

Программа «Новые имена»

АНАТОЛИЙ СУДАРЕВ

ВРЕЗ

Авантурный роман
на фоне взбаламученного социума

ПЫЛА

ТОМ 2

18+

Анатолий Сударев

Без дна. Том 2

«Издательство «Союз писателей»

2017

УДК 82-31
ББК 84 (2 Рос=Рус)

Сударев А.

Без дна. Том 2 / А. Сударев — «Издательство «Союз писателей»,
2017

ISBN 978-5-00073-651-7

На первый взгляд, что может быть общего между доживающим свой век диссидентом, отпрыском славной дворянской фамилии Танеевых, провинциальным сантехником, мечтающим о карьере драматурга, увлеченным поиском идеальной Любви, обеспеченной, но страдающей комплексом «женской» несостоятельности дамой, полновластным и самонадеянным Поволжским губернатором, стойким приверженцем старообрядческого вероучения и «ангелом», чистым непокорным, нашедшим воплощение в юной гувернантке, столкнувшейся с превратностями жизни во враждебном ей мире? Но однажды, когда общество, взбаламученное появлением парочки загадочных личностей, провозгласивших себя один адептом, другой живым воплощением древнего языческого бога Превращения и Перерождения Вали, вскипит, завибрирует, как содержимое какого-нибудь котла под сильным огнем, все они окунутся в это затеянное автором варево, окажутся в эпицентре самых невероятных событий. Некоторые из них при этом выйдут из этого испытания закаленными, другие надломленными, третьим придется навсегда покинуть этот мир. Такова притягательная, ни на мгновение не отпускающая от себя внимание читателя фабула этого внутренне полным скрытого драматизма, внешне почти «приключенческого» романа Анатолия Сударева «Без дна».

УДК 82-31
ББК 84 (2 Рос=Рус)

ISBN 978-5-00073-651-7

© Сударев А., 2017
© «Издательство «Союз
писателей», 2017

Содержание

Часть 4. Баш на баш	7
Глава первая	7
Глава вторая	12
Глава третья	25
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Анатолий Иванович Сударев

Без дна. Том 2

© Сударев А. И., 2017

© Издательство «Союз писателей», оформление, 2017

Часть 4. Баш на баш

*Вправо поедешь – коня потеряешь, влево поедешь – самому живу
не быть.*
(Присказка)

Глава первая

1

Ещё чуть-чуть – и Аркадий с его Алями-Валями точно бы опростоволосился: не успел бы встретить отца. Скорый Москва – Челябинск, стоянка – пятнадцать минут, и вот уже вышедший на перрон проводник провожает последних покидающих вагон пассажиров, но, судя по напряжённым лицам встречающих (много тех, кого Аркадий знает или помнит по прежним встречам), явления отца ещё не произошло. Среди ожидающих и Аркадьева недавняя информантка, тётя Зина. Заметила подходящего Аркадия, приветливо помахала рукой. Но больше всего Аркадия удивило присутствие Ивана Евдокимовича. Правда, он не в кучке, а подчёркнуто особняком («Это вы птенцы, а я сам по себе, я крупная птица»), с букетиком дохленьких, сморщившихся от мороза гвоздик. Под мышкой хорошо знакомая Аркадию жёлтая папка из кожаменителя. Лауреат премии Ленинского комсомола обычно держал в ней свои творения, когда хотел их кому-то вручить. Однако матери... как бы Аркадий ни всматривался... нет, не видно. Нигде. Ни на дальних, ни на ближних подступах. «А ведь вроде бы собиралась. Значит, всё-таки не переломила себя. Новосельцевское в ней всё-таки победило».

Но вот как будто бы и отец. «Как будто бы», потому что Аркадий не уверен, что это действительно он. А за его спиной, видимо с кофром отца, – Глеб, тот, кому тётя Зина рекомендовала позвонить, чтобы узнать о деталях приезда. Аркадий ещё продолжает испытывать сомнения: «Он? Не он?», но вся кучка уже дружно сдвинулась с места. Даже слабенькое «ура» как будто раздалось. Лишь тогда Аркадий окончательно убедился: это действительно он. Пётр Алексеевич Долгоруков. Его родной батюшка. Собственной персоной.

А корни у сомнения вот какие. Ведь в его ещё детской на пору расставания памяти отец выглядел высоким, статным, могучим, кипучим, зевсоподобным, мечущим громы и молнии. Да, таким он больше всего запомнился, когда брал с собой Аркашу на репетиции. Каким отец выглядел в домашней обстановке, Аркадий совсем не помнит. Да и бывал ли он вообще когда-нибудь дома? А между тем из вагона на перрон вышел невысоконый такой, чуточку даже как будто сгорбленный бородатый мужичонка, уже едва ли и не старик. На нём незастёгнутый овчинный полушубок, такие ещё донашиваются какими-нибудь долгожителями в самых дальних глухих деревеньках. На голове безобразный треух с опущенным задком. Будто персонаж из «Власти тьмы» Льва Николаевича Толстого. «Зачем это он, интересно, так вырядился?..»

Приветственные междометия, объятия, поцелуи. Аркадий не спешит присоединиться к этой куче-мале. Он всё-таки не птенец, он Сын. По-прежнему держится на отшибе, не смея приблизиться, и другой родственник, Иван Евдокимович, с его жалким букетом и жёлтой папкой. Но вот ещё прошло какое-то время, и... то ли отец сам заметил, или, скорее, кто-то ему подсказал... Широко, как крылья, раскинув руки, он сам идёт Аркадию навстречу. «Сынок!.. Аркаша! Господибожежтымой... Чего ж ты?.. Спрятался. Слона-то я и не приметил!» Подошёл вплотную, обнял. На Аркадия пахнуло каким-то ароматом: лосьон. «А поворотись-ка, сын! Экой ты смешной какой!» «С чего это вдруг я “смешной”?» – кольнуло Аркадия. Да, Гоголь, да,

«Тарас Бульба», словом, отец шутит, но всё равно как-то слегка царапнуло, как будто Аркадий ожидал других слов. Вот и стоящему ближе всех и лицезрящему эту эпохальную встречу Отца и Сына Глебу захотелось внести поправку: «Не смешной, Пётр Алексеевич, это вы напрасно, а замечательный. Наша, можно сказать, палочка-выручалочка». – «То есть как это?» – «Мы же все в основном, когда касается “гвоздь в стену забить”, ну, это я, конечно, немного утрирую... довольно-таки беспомощные. Зато Аркадий мастер на все руки. Чуть что – мы к нему. Никогда никому не откажет». – «Да-да! – тут же поддакнули Глебу. Тётя Тамара. Тоже птенец. Но о ней чуточку поподробнее, может, как-то потом. А если и потом не получится, тоже ничего страшного. – Он мне, например, как-то замок поставил. Мне из квартиры не выйти, так стоило только ему позвонить – он тут как тут. Буквально как лист перед травой! Не будь его, что бы я делала?» – «Браво!» – отец одобрительно хлопнул Аркадия по плечу и этим «браво», кажется, окончательно вывел уже и без того взвинченного всем, что с ним в этот день произошло, сына из себя. «Мне кажется, вы что-то перепутали, – это он не к отцу персонально, а ко всем, потому и “вы”. – Сегодня вроде бы не мой бенефис». Все тут же перестали глупо улыбаться, а отец то ли искренне, то ли фальшиво удивлённо произнёс: «Смотри-ка ты! Слово-то какое! Бе-не-фис...» И, не отдаляя своё окаймлённое незнакомой Аркадию бородою лицо, шёпотом, на ухо: «Прости...» Далее, отделив интонационно и паузой: «А что же наша – её недоступное величество – мать-королева?» Он, разумеется, имеет в виду не пришедшую на встречу... Ту, которая приходится Аркадию матерью, а ему... сходу даже и не скажешь... женой, подругой? Словом, речь идёт о Варваре Анисимовне. Аркадий, невольно опуская глаза: «Вроде тоже собиралась». – «Хм... “Вроде”? Понятно», – облачко на его лице.

Аркадию жаль сейчас отца, он бы предпочёл, чтобы мать изменила своей непреклонности, но... «Послушай, а этот... кто?» Отец только сейчас заметил по-прежнему стоящего истуканом, пока не выдавшего себя ни звуком, ни словом, ни жестом отчима. «Это... Иван Евдокимович», – немного удивлённый Аркадий. «Удивлённый» оттого, что отец, кажется, должен помнить Ивана Евдокимовича. Но нет, не помнит. «Кто сей...» – «Мой отчим», – Аркадий вслух, а про себя: «Притворяется». Иван же Евдокимович, поняв, что его заметили, тут же перестаёт быть статуей. Ожив, делает несколько робких шажков в сторону Долгорукова... и в это же самое мгновение под низкими вокзальными сводами раздаётся изначально, преднамеренно громкое, плюс к тому же ещё и усиленное эхом: «Граждане, расступитесь! Дорогу, граждане! Постереги-ись!...»

Чудное зрелище предстало глазам всех собравшихся на перроне, Аркадию в том числе: катящаяся по платформе, стремительно к ним приближаясь, багажная тележка. На тележке – кресло. В кресле – восседающая, как на троне, пожилая дородная женщина в расшитой гугульским орнаментом дублёнке и цветастой шали. Справа и слева – по парню в униформе, вцепились руками в спинку кресла. Позади, на подножке, за рычагами, словно это вожжи, а тележка лихая тройка, торчат голова и верхняя половина грудной клетки хозяина тележки. Он-то и кричит, истошно предупреждая шарахающуюся от тележки вокзальную публику. Похоже, что и на отца эта лихая («Эх, тачанка-ростовчанка...») атака произвела большое впечатление: на несколько мгновений оцепенел, потом неуверенно пошёл навстречу. Все потянулись вслед за ним, только позабытый-позаброшенный, неузнанный или, скорее всего, непризнанный Иван Евдокимович остался ровно там, где его застало «А этот... кто?».

«Кого я вижу! – отец, обращаясь к той, что восседала на троне-тачанке. – Вы ли это?...» Он по-прежнему как будто не доверяет своим глазам. «Его тётка, – догадался Аркадий. “Догадался”, а, скажем, не “узнал” оттого, что видит эту как будто плывущую по воздуху персону впервые. – Та, которая якобы устроила отцу весь этот... ангажемент».

Но вот они встретились: тележка и отец. Как тележка на тормоз, так замер на месте и Пётр Алексеевич. «Ну здорьво, племяш! – восседающая на троне. Но с трона, похоже, слезать не собирается. – Целоваться не будем. Сейчас не смогу. Потом». – «Что с вами?» – это отец.

«Со мной-то всё в ажуре. С тобой-то что?» – «А что со мной?» – «Чего это опять огородным пугалом нарядился? Что за лохмотья на себя напялил? Опять за старое? Ты ж америкосом выглядел чин-чинарём. Настоящий янки. Любо-дорого на тебя было посмотреть. А щас что? Ты и метёлку свою тогда согласился убрать. Ты же не мужик, Петюня. Кого ты хочешь этим обмануть? Какой из тебя нах. р мужик? Скорее, это с меня». Ого! «Нах. р». Или это Аркадию так слышалось? «Хорошо-хорошо, – отец, очевидно, смущён. – Слово даю, исправлюсь. И всё-таки... с вами действительно всё в порядке?» – «Со мной, я тебе уже сказала, всё путём. Лодыжку вчерась вывихнула. Поскользнулась на паркете. Всего-то. Ничего, до свадьбы заживёт. А это все твои? – на стоящих в некотором отдалении встречающих. – Почитатели?» – «Ученики», – поправил отец. «“Ученики”... Ну что, говорила я тебе, что у нас с тобой сварится? Ты же мне не верил. На смех меня поднял... Поднял, поднял! Упёрся как баран. Ну так вот, племяш мой дорогой, всё-таки варится у нас похлёбка-то, варится. Так что давай-ка – руки в ноги – айда за мной!» – «Как? Прямо сейчас?..» – кажется, неприятно удивился отец. «Сейчас, сейчас. Куй железо, пока горячо, чтобы потом локти не кусать... – Посмотрела на Аркадия: он, так уж получилось, был сейчас ближе всех к отцу. – А этот... молодчик? Тоже твой ученик?» – «Нет, берите выше. Мой сын». – «Да разве у тебя есть сын?.. Впервые об этом слышу... Хотя нет. Вспомнила. А ведь похож на тебя... Один?» – «Что?» – не понял отец. «Сынок-то. Больше никого не настрогал? В Америке-то вроде как больше никем не хвастался. Всё только чужими поделками». – «Так ведь... – отец выглядит немного смущённым. – Получается, что один». – «Ну так... береги его как зеницу ока. Чуешь? Пригодится воды напиться. А не сбережёшь, последним дурачком будешь. А пока пошли за мной. Пошли, пошли... Со своими ещё успеешь. Время на то у тебя ещё будет. Всё строго по расписанию. А слушаться не будешь – плюну. И что ты тогда без меня? Тоже мне, мечтатель... Метёлку эту свою... – Ей, кажется, по-прежнему не даёт покоя отцова борода. – Ладно, чёрт с тобой. Понимаю, не дура, это твой имеж. – Да, она именно так и сказала, Аркадий руку может дать на отсечение: “имеж”. – Можешь, если дорого, сохранить. Но одежду эту я бы всё-таки тебе не советовала. Всех чинуш у нас перепугаешь. Не к медведям в гости вроде как приехал. Ладно, всё, хватит предисловий. Поехали!»

И она, точнее тележка под нею, действительно покатила, но теперь в обратном направлении, под те же громкие крики тележечника: «Постереги-ись!..» Отцу больше ничего не оставалось, как торопливо попрощаться со всеми. Аркадия ещё раз приобнял, слегка прижал к себе, пообещал: «Мы с тобой ещё обязательно... В самом скором. Я дам знать». И пошёл быстрым шагом (ещё хорошо, что не побежал) за уже относительно далеко укатившей тележкой. Огромный же его кофр был погружен Глебом на тележку. На неё же едва успели побросать и цветочные букеты.

«Как на гроб с покойником», – промелькнуло в Аркадьевой голове. Всё произошло так стремительно. Ещё минута, другая, третья – и ни тележки, ни отца уже не было видно. А вся встреча, которую ждали, к которой, видимо, задолго тщательно готовились, заняла немногим больше десяти минут.

2

«Ты сейчас к себе?» – спросила подошедшая к Аркадию тётя Зина, он же в этот момент искал глазами как будто провалившегося сквозь землю Ивана Евдокимовича. Может, сгорел от стыда, что отец его при всех не признал. «Д-да», – не сразу, однако, согласился Аркадий. Решил: «Бог с ним, с Иваном Евдокимовичем. Не маленький, сам доедет». «Не подбросишь меня до театра? Хотя, я понимаю, тебе немножко не по пути...» – «Да! Конечно! Тётъ Зин! О чём разговор?» Сели в Аркадьев жигулёнок и отправились в сторону ТЮЗа. Довольно длительное время ехали молча, а молчание, как и следовало того ожидать, первой, по праву стар-

шинства, нарушила тётя Зина. «Всё как во сне. Молниеносно. Будто на самом деле ничего и не было, а мы так ждали... готовились... Но ведь он не ради нас приехал, правильно? Ему важнее сейчас устроить свои дела, мы все во вторую очередь. – И после короткой паузы, с улыбкой: – А мне очень понравилось твоё “не мой бенефис”. Очень неожиданное». Справедливости ради надо сказать, что этот «бенефис» был неожиданным и для самого Аркадия. Экспромт чистой воды. «Достало», – хмуро прокомментировал он, не спуская глаз с впереди идущего транспортного средства. Да, настроение у него сейчас было неважное. И дело, разумеется, не только в изменившем им всем отце. Да, в каком-то смысле это походило на измену, но ТАМ было ещё кое-что другое. «И потом, – продолжала тётя Зина, – когда тебя нахваливали... у тебя было такое забавное выражение лица... Напомнил мне иллюстрацию к “Гулливеру среди лилипутов”. Гулливер – ты, а лилипуты – мы. Если тебе интересно, попробую объяснить...»

Отчего Аркадий всегда выделял тётю Зину, помимо того, что она была единственной из студийцев, кто сумел добиться исполнения своей мечты – стать настоящей актрисой, причём уже получившей признание у настоящих театралов, – у неё был ум. А ещё она была писаной красавицей. В глазах не только Аркадия. Одно время, когда сам Аркадий ходил ещё в подростках, он был даже немножко в неё влюблён, в чём он, конечно, ей или кому-то ещё никогда не признается. Не удивительно поэтому, что ему всегда доставляет удовольствие с нею пообщаться.

«Чем больше наблюдаю за тобой, – говорила тётя Зина, – тем больше убеждаюсь: ты на удивление очень практичный человек. И в этом отношении ни на кого из своих не похож... Я говорю о тех, кого знаю. Человек, хотя ещё и очень молодой, но уже без особых иллюзий. С трезвым взглядом на жизнь. По-настоящему взрослый. В этом твоё огромное отличие от нас. И может, преимущество. Мы же – как были, так и остались детьми. Отсюда и твоё снисходительное отношение к нам. Как будто смотришь на нас сверху вниз. Поэтому и Гулливер. Это понятно, ты человек уже другой, совсем не сентиментальной эпохи. Мы же все застряли в вскормившем нас советском прошлом. А это был один огромный сплошной иллюзион».

Аркадию не совсем понятно, что тётя Зина всем этим «без особых иллюзий», «трезвый взгляд» хочет сказать. Он-то сам считает, что иллюзий у него немеряно. Но и спорить с тётей Зиной не хочется. Считает она его таким – пусть считает. Это её дело и право. «Ты бы как-нибудь, по старой памяти, заглянул к нам на огонёк», – предложила вдруг она. «По старой памяти» оттого, что прежде, ещё в мальчишеские годы, Аркадий действительно хаживал к ним... Не то чтобы в гости. Так. Посидеть, поболтать. Ещё втайне полюбоваться. Да, тётей Зиной. Кем же ещё? «Заодно, может, поможешь мне как-то с моим Ромкой». Ромка – это её сын, на пару лет помладше Аркадия. Было время, лет десять назад, когда они даже немножко дружили. Читали примерно одни и те же книги. Потом обсуждали. Например? Ну, взять хотя бы... из наиболее яркого, запомнившегося... «Закат Европы»... Автора сейчас не вспомнит. Только то, что фамилия начинается на какую-то шипящую.

«А что с ним?» – «Не помню, говорила ли я тебе прежде об этом? Отец подарил ему компьютер...» Если отца Аркадия волной перемен смыло на другой континент, то Ромкиного родителя приземлило несколько поближе – на Аравийском полуострове, в Израиле. «Тётя Зин, я же ничего не понимаю в компьютерах!» – «Но я же не о компьютере, Аркаша, я о Ромке... Блин! Он же теперь... безотрывно! И день и ночь. Точнее, днём спит, а сидит ночью. Говорит, дешевле трафик... Ты понимаешь, что такое “трафик”?» – «Да. Имею представление». – «Мне до сих пор был известен только график... Никуда фактически из дома не выходит. Нигде не учится, не работает. Потолстел так, что скоро в межкомнатную дверь пролезть не сможет. Я уже решила, что у него что-то с гипофизом, посоветовалась с врачами, они рекомендуют подождать, но, ты же отлично помнишь, он был совсем другим...» – «Хорошо, тётя Зин. Но что-то?...» – «Ты не смог бы как-нибудь заглянуть к нам... с хорошей, симпатичной девушкой? У тебя наверняка много девушек...» – «Почему вы так решили?» – «Потому что ты сам... хоро-

ший и симпатичный. И от тебя исходит... какая-то... положительная аура. Основательность. Укоренённость. Уверенность в себе. Впрочем, откуда это в тебе – я догадываюсь. А девушки, поверь мне, ведь я тоже когда-то была девушкой, очень тонко это чувствуют: настоящий это мужик или трепло худое. Впрочем, ладно. Сейчас уже нет времени, – да, уже показалось здание ТЮЗа, – поговорим об этом в другой раз. Увидимся, наверное... Или как-нибудь мне позвони... Если не сложно, ко второму подъезду... Спасибо тебе огромное! – И уже собираясь покинуть машину: – А Варвара Анисимовна всё же выдержала характер – не пришла?» «Не пришла, – мысленно согласился Аркадий. – А может, и приходила, но держалась поодаль. С ней всё может быть». «А я её понимаю, – закончила тётя Зина. – По какому-то очень высокому счёту она права».

«Я её понимаю» и «она права», но сама-то тётя Зина, Аркадий это знал, поддерживала вполне нормальные отношения со своим бывшим мужем: все прошлые обиды в сторону. Она и Ромка ездили к нему в гости, когда ещё Ромка не сидел за компьютером. Кажется, в Хайфу... Хотя у него уже тоже другая семья. Представить, что такое может произойти с его матерью и Аркадием, – бред, фантастика... Они какие-то другие. И отношение ко всему у них другое. Так что же лучше и на чьей стороне больше правды: на той, где царит непримиримость, или на той, где больше снисходительности? Этого, пожалуй, не знает никто, а меньше всего Аркадий. Он, Аркадий... вот в эту самую минуту, когда восседает в своём жигулёнке напротив театра, наблюдая за тем, как стягиваются к ярко освещённому входу вытекающие из разных точек (в зависимости от того, кто, откуда и на чём приехал) ручейки зрителей... что он, в принципе, знает вообще?.. Где и в чём он судья? А ведь ещё совсем недавно, это было всего лишь вчера, стоял на крыше дома и самонадеянно обращался со своим «урби эт орби»... Сколько глупых слов! Тупых обещаний, претензий! Сколько пороссячьего восторга! Упоения. От сознания, что он видит и знает. Что ему подвластно всё. Да, было! Было в нём такое щенячье восторженное ощущение. Вдруг что-то на него снизошло. А что сейчас? Вчера полным полно коробушка, сегодня пустота. Вчера вверху – ещё бы! – началось с Геи, с её «спасибо» и буквально ошпарившей Аркадия улыбки. Потом звонок. «Это я. Отец твой». Да, это было всего лишь вчера... Сегодня внизу – Аля-Валя, его, одним словом, непотребство, другое слово – свинство. Под конец жалкое, противное – да, противное, унижительное бегство отца. «Ишь как побежал! Как за вкусной морковкой...» Это он пока исключительно про отца, дальше уже в том числе и про себя: «Ох как раскачивает человека! По какой амплитуде! Как на американских горках, которые в самой Америке называются “русскими”. И всего за какие-то сутки. Что же говорить о веках?..»

Аркадию не хочется возвращаться домой. Ему сейчас вообще ничего не хочется, поэтому и стоит, а между тем ручейки спешащих к театру зрителей иссякли. Из водружённого на крыше театра громкоговорителя начинают доноситься звуки музыки – прелюдия к спектаклю. Потом заговорят актёры. Аркадий их услышит. А пока пошёл снег. Ещё реденький. И ветра никакого, но всё, что в поле его зрения, побелело. И хотя уже вечер и зрению доступно только то, что под фонарными столбами, не более, чтобы даже эта разрозненная картинка не исчезла, Аркадий заставил трудиться «дворники». Методично, навевая сон, заскрипели, заскрежетали. Вправо, влево, вправо, влево...

Кто-то подошёл к его жигулёнку, постучался. Аркадий опустил наполовину облепленное снегом окошко. Жутковатая печёная картофелина в отвратительном макияже. Сладеньким голосом: «Молодой человек! Можно у вас погреться? Пожалуйста». – «Нет! Нельзя!» Поднял окошко, включил зажигание. «Домой. На Энтузиастов. Больше некуда... и незачем... Буква “ша”. Вот она, шипящая. Шпенглер!.. Тот, кто написал “Закат Европы”. Да и Европы ли только закат? Может, ещё того самого... и покруче».

Глава вторая

1

Февраль 17-го. Чем этот день отметился в истории? Большей частью, к сожалению, смертями. В этот день в Риме на площади Цветов был сожжён бунтарь Джордано Бруно. Расстались с этим миром два замечательных творца: Мольер и Генрих Гейне. Но состоялось событие и радостное: пять лет назад появился на свет внук Игоря Олеговича. Это значит, в такой знаменательный день можно поджидать и Тоню.

С последнего Нового года «второй свежести» у Игоря Олеговича Тоня не появлялась. Дождался! Позвонила и пообещала: «Буду часикам к трём. Пожалуйста, сам никуда не ходи, ничего не покупай. Слышишь? Я всё принесу». «Ничего не покупай» – это, видимо, отрывка неудачного паштета, которым Игорь Олегович пользовал Тоню при их последней встрече. Игорь Олегович последовал наказу Тони, сам никаких закупок не делал, зато сходил в парикмахерскую, ближайшую к его дому, дождался, когда освободится «его» парикмахерша. Да, он стриётся у этого мастера или, точнее, мастерицы, пожалуй, последних лет восемь. Своего рода рекорд: парикмахеры, по наблюдениям Игоря Олеговича, на одном месте долго не задерживаются. Впервые попал под её ножницы, когда она ещё была робкой, неопытной ученицей, осваивала профессию на уже начавших редеть «кудрях» терпеливого, никогда не капризничающего, без претензий Игоря Олеговича. Сейчас уже признанный мастер, к ней – подумать только! – запись, но Игорь Олегович как-то не любит заранее записываться, и, чтобы попасть в её руки, ему почти всегда приходится дожидаться, когда появится «окошко» и его любезно позовут.

«Вы сегодня какой-то особенный», – услышал, когда на белую накрахмаленную накидку, наброшенную на плечи и ссутуленную спину, посыпались его седые или, скорее, всё же сероватые, с оттенком седины скудные волосёнки. «Да? – удивился Игорь Олегович. Сам ощущения чего-то “особенного” в отношении своей скромной персоны не испытывал. – Почему вы так решили?» – «Не знаю... Чему-то постоянно улыбаетесь. Приятное что-то случилось?» Вот как! Оказывается, он улыбается. «Случится... Или да, уже случилось. В шесть утра родился мой внук. Нет, не сегодня. Уже пять лет назад». – «Ну поздравляю. Как назвали?» – «Борисом». – «Хорошее имя. У меня брата тоже зовут Борисом».

Борисом внука назвали не случайно, и не по святкам (он родился в протестантской стране), а в честь Тониного отца. А ещё у Тони и Игоря Олеговича есть внучка, она появилась на свет почти десять лет назад, и её назвали Ханной, в честь уже матери зятя Нильсена. Всё по-честному. Всем сёстрам по серьгам. Чтобы никто не остался в накладе. Полное равноправие. Это истинно по-королевски. По-датски. Вопреки шекспировскому: «Неладно что-то...» Нет, у них-то как раз всё ладно. Внука Игорю Олеговичу пока повидать не удалось. Больше повезло Тоне. Они с мужем погостили в Ольборге (город, в котором живут Маша и Нильсен с детьми) около трёх лет назад. Целью их поездки было побывать на праздновании медной свадьбы Маши и Нильсена. Справедливости ради надо сказать, не обошли при этом стороной и Игоря Олеговича, ему также прислали красиво оформленное приглашение, но он не поехал. Всё по тем же понятным причинам: не хотелось ставить в неловкое положение ни Тоню, ни её патологически ревнивого мужа. А ещё раньше Маша сама приезжала на свою малую родину, в Краснохолмск. Она в это время была как раз беременна Борисом. Кажется, уже на шестом месяце. Живот у неё был довольно заметен. Тоня в тот её приезд накинулась на Машу, стала её попрекать: «Как так можно?! Ехать в такую даль! При твоём состоянии. Это безрассудство! Ты не боишься нанести травму ребёнку?» На что Маша тогда ей ответила: «Когда плод ещё в

животе, он как губка впитывает в себя всё окружающее. Мне хочется, чтобы он (да, она уже знала тогда, что у неё родится мальчик) впитал в себя русскую речь и вообще всё краснохолмское. Такого, как у вас, ведь больше нет нигде. Это потом сможет как-то помочь ему в жизни».

Несколько позже прояснилось, откуда это у дочери. Оказалось, она прочла об этом, то есть не про русскую речь и не про Краснохолмск, а про губку, у какого-то очень известного опять же датского учёного. Тоня же прямо на месте, едва услышав такое, не могла сдержаться слёз. Игорь Олегович – он также присутствовал при этом разговоре – уж на что мужик, и то ощутил, что у него в глазах зашипало. А ещё в тот же день, уже попозже, когда остался с дочерью наедине, не удержался, спросил: «А чем тебе так дорого это окружающее, что хочешь, чтобы оно “впиталось”?» – «Вы же ещё, в вашем Краснохолмске, как в сказке, папа, живёте. В старинной русской сказке. Или былине. Где он, – Маша имела в виду, конечно, ещё не родившегося сына, – почувствует на себе такое?..» «В старинной русской сказке» – суждение довольно спорное. Если только закрыть глаза на всю происходящую быль. Хотя, с другой стороны, бытует ведь представление, что со стороны виднее.

«Ну всё. Посмотритесь». Мастерица поднесла к глазам Игоря Олеговича большое зеркало. На него глядело иссечённое морщинами, с подглазными мешками, покрытое вроде бы желтоватой кожей, испещрённое какими-то ямками старческое лицо. Фу, какое безобразие! Игорь Олегович поспешил отвести взор. «Всё хорошо? Вам нравится?» – «Очень». – «Сегодня, к сожалению не пенсионный день. С вас сто сорок». Игорь Олегович дал сто пятьдесят, от сдачи отказался, и они расстались, довольные друг другом.

Да, Тоня, как и пообещала, пришла, но не в три, а уже ближе к половине четвёртого. «Как и обещала» – то есть не с пустыми руками: и вино, и закуска, и торт диетический. Уже как переступила через порог и потом, когда снимала с себя верхнее, а хозяин, как всегда, неловко ей помогал, уже тогда Игорь Олегович заметил, что дорогая гостья выглядит не совсем обычной. Что чем-то взволнована и готовит Игорю Олеговичу какой-то неприятный сюрприз. Почувствовать-то почувствовал, но по привычке никаких «провокационных» вопросов задавать не стал. «Если действительно есть что-то, если это не моя мнительность, рано или поздно скажет сама».

За столом в основном говорили о пустяках. О болезнях, о погоде, о размерах пенсий, какими они были и какими стали со всеми этими реформами, дефолтами и всякой прочей дребеденью, величаемой «переходом от развитого социализма к дикому капитализму»; а ещё, что уже необычно, о предстоящем приезде в Краснохолмск какой-то важной персоны. Никто ничего толком не знает, но все уверены, что это очень серьёзный товарищ, иначе – к чему такие приготовления? Город наводнён навезённой со всей области милицией. Таких мер предосторожности в городе не было, даже когда к ним пару лет назад заглянул представительный кудрявый и словообильный господинчик вице-премьер Немцов.

И так они поговорили о том о сём, выпили по три бокала принесённого Тоней рислинга за здоровье внука, отведали чайку с диеттортом. Времени уже скоро шесть – пора расставаться. Тоня прошла в прихожую, с неловкой помощью Игоря Олеговича оделась в своё зимнее с каракулевым воротником пальто, повязалась белым оренбургским платком, а поверх платка ещё и шапочку водрузила из того же каракуля. В этом наряде стала походить на жену какого-нибудь небогатого чиновника с картины, допустим, Ивана Крамского. Когда же совсем приготовилась уходить, опустила глаза и, едва разжимая губы: «Ты прости меня, Игорёк... Но мы теперь, боюсь, уже долго не встретимся». – «Почему?» – пробормотал Игорь Олегович. А про себя: «Ну вот! Никакая не мнительность. Но это ещё не всё. Точка-то как будто бы не поставлена. Сейчас снова услышу». «Мой, ты знаешь... совсем... Каждый раз, стоит мне только сказать, что иду к тебе, становится сам не свой. Вот и сегодня. Мне стоило это больших нервов. А обманывать его, что-то придумывать... Ну, ты же знаешь, как я устроена. Я так не могу. И так каждый раз. Когда ухожу к тебе, в голове одна и та же мысль: “Застану ли его живым?” Да,

настолько серьёзно... Я понимаю, это болезнь. Он и сам это отлично понимает. Но одно дело – понимать, другое – что-то с собою делать. И вот... я встала перед выбором... Прости меня, но я больше так... разрываться между тобой и им... не смогу». Ещё какое-то время постояла, обняла, прильнула к Игорю Олеговичу. «И ещё... что я должна тебе сказать. Что я давно собиралась тебе сказать и всё как-то... Я за всю жизнь больше не встречала такого замечательного, такого доброго, честного, отзывчивого, порядочного человека, как ты. Я всегда любила тебя. Только тебя одного. Люблю до сих. А если всё так получилось, это я...» – «Да перестань, – тут уж наконец и Игорь Олегович не выдержал. – Я тоже тебе давно хотел сказать и тоже не решался. Виноват во всём один я». – «Нет! Что ты такое говоришь?! Если бы я тогда...» – «Нет, Тоня, и ещё раз нет! Если б именно я, а не *ты*... тогда... Мне нужно было быть осмотрительнее». – «Настаиваю: моя вина. Нужно было не поддаваться панике. Моя бесхарактерность. Испугалась трудностей. Бытовых неудобств...»

А что было «тогда»? Игоря Олеговича «попросили» с его места работы – он пристроился было в местном краеведческом поначалу просто сторожем, а потом подвернулась вакансия хранителя фондов. «Попросили» оттого, что грянула проверка, а у Игоря Олеговича не оказалось диплома. Да его у него и не могло оказаться, оттого что во время оно арестовали за пару месяцев до официальных госэкзаменов. Следовательно, он был бездипломником. Место же сторожа к этому моменту тоже было занято, и Игорь Олегович решительно отказался стать виновником незаслуженного увольнения другого человека.

«Но я... предала тебя», – между тем продолжает Тоня. «Какая чушь!» – отбивается Игорь Олегович. И так они ещё какое-то время отбирают друг у друга это *mea culpa*, не уступают его, пока на лестничной площадке из одной из соседних квартир, возбуждённо лая, не выскакивает крупная собака. Помесь добермана и обыкновенной дворняги. И сразу вслед за лаем мальчиковый ломающийся голос: «Джуля! Молчать!» Потом показался и сам хозяин. Пятнадцатилетний Вася-Василёк. Получил такое прозвище за пронзительно голубые глаза. Вежливо поздоровался. Игорь Олегович так же вежливо ответил, а потом обратился к Тоне: «Зайди ко мне. Хотя бы на пару минуток, мы ещё должны...» – «Нет! – тут уж Тоня была непреклонной. Даже испуг какой-то у неё сейчас на лице. – Не могу, милый. Прости. Я обещала. Я уже и так опаздываю. Я дала ему слово. Мне страшно... Да, за него. Мне надо идти». Помесь добермана и дворняги, одолев за три прыжка разделяющие их метры, прежде чем начать галоп по лестнице вниз, обнюхала сначала Игоря Олеговича, потом Тоню. «Как знаешь», – уступил Игорь Олегович, вернул Тоне её руку. «Может, потом... Как-нибудь. По телефону», – пообещала неуверенно она и побрела вслед за ускакавшей собакой, а Вася-Василёк всё ещё возился со своими ключами: никак не получалось запереть за собой дверь.

2

«Тебе, племянничек, не откладывая дела в долгий ящик, нужно законтачить с моим Колькой! Я уже с ним обо всём перетёрла, что он сегодня повидается с тобой, но там у него сейчас делегация. Прохиндеи из каких-то прежних народных демократий. Чего-то вроде у него по старой ещё памяти умыкнуть хотят. Поэтому я вначале все свои реперные точки, что в городе, покажу, а потом уже и до Кольки».

Тётушка Ненила ворвалась в уже налаженное, размеренное американское житьё-бытьё Петра Алексеевича как японское цунами. Это случилось в один из летних месяцев в прошлом году. Пётр Алексеевич был у себя, в своём центре «Арто» в Бостоне, где репетировал со своими актёрами-учениками новую постановку «Горе от ума» (сейчас в Америке мода на всё русское), когда кто-то ему позвонил по селфону и раздалась уже давно не звучавшая в его ушах русская речь в очень напористом женском исполнении: «Ты чего это, чертила ты эдакий, от родных по всём щелям прячешься?.. А ну быстро за карандаш... или что там у тебя. Записывай адрес! И

чтоб завтра же был у меня!» – «Вы кто?» – спросил ошарашенный Пётр Алексеевич. «Не узнал? Свою собственную родную тётю?.. Совесть-то у тебя, спрашивается, где? Да ты же мне ещё в подол написал. Да ещё так вонько! Пришлось тут же сымать и стирать. Нечто забыл? Записывай, я тебе говорю, пока не передумала!» И тут же начала диктовать адрес. Оказалось, что она сейчас находится в пригороде Бостона – Рослиндейле. «Через час будешь?» Пётр Алексеевич всё же объяснил звонившей, что у него репетиция, а вечером спектакль. Пригласил родственницу на представление. На что она: «Не много ли чести будет, чтоб я ещё твои спектакли, в которых ничего не понимаю, смотрела?..» В конце концов договорились, что Пётр Алексеевич прибудет в Рослиндейл с визитом на следующий день.

С Ненилой Фёдоровной (так звонившая себя отрекомендовала) Пётр Алексеевич если когда прежде и встречался, так только в годы своего младенчества, о которых уже ничего не помнил. Долгоруковы достаточно распространённая, знатная фамилия. Разными они были – «высокие», «средние», «низкие». Словом, от холопов до князей. Предки Петра Алексеевича явно из холопов. Но сумевших выкарабкаться до положения «средних», то есть мещан. Однако события Октября семнадцатого растопили весь их скудный, накопленный за предыдущее столетие жирок, и все Долгоруковы (из тех, кто, конечно, выжил), из которых вышел и дед Петра Алексеевича, вскоре преобразились в общую серую советскую массу, в которой уже не было ни низов, ни верхов. И в которой так легко было затеряться!

«Слушай, Станиславский, – заявила Ненила Фёдоровна при первой же их встрече в доме в Рослиндейле, где она гостила с внучкой у своей подруги с таким же, как у Петра Алексеевича, краснохолмским прошлым, – тебя же, чудика, царя горохового, надо спасать». – «Зачем?» – удивился недоумевающий Пётр Алексеевич. «Затем, что ты тонешь. Я же справки о тебе навела. Ты же тут загибаешься! Да ладно, ладно, не надо мне эту лапшу... У меня свои и глаза, и уши есть. Знаю, как тут тебе. Вертайся-ка к нам в Краснохолмск. Коммуняков, тебе ненавистных... и мне, кстати, тоже... у нас уже никого не осталось, все до единого перекрасились, а мой сынок Колька сейчас там самый главный. И не какой-нибудь... секретаришка. Гу-берна-тор! Власти у него – немеряно. Чего хочу, то и ворочу. Всяко тебе стать на ноги поможет. Бизнес хоть свой театральный как-то нормально наладишь. Как у Немировича-Данченко. А не эти жалкие соплишки, что здесь».

Тётушка оказалась на удивление информированной, знала многое, чем жил и чего в первую очередь доставало племяннику – должного к себе уважения, внимания. Donations, наконец. По-русски это, скорее, называется «пожертвования». Разговор был долгим. Первоначальный скептицизм Петра Алексеевича постепенно сменился... не то чтобы энтузиазмом, скорее – повеяло прежним, ещё в молодые, свежие годы испытанным на себе ветерком удалого флибустьерства: «А где наша не пропадала?» Итог разговора был таков, что вначале Пётр Алексеевич придет с ознакомительным или, как стало это называться, «выставочным» визитом. Оглядится, что и как, сам посмотрит на других. А там... даст бог... если поднявшийся или, точнее, поднятый тётушкой Ненилой ветер подует в паруса... почему бы, в самом деле, и нет?

Тётушка уехала, Пётр Алексеевич остался. Пошло время; месяц, другой – ничего не происходило, и к Петру Алексеевичу вернулся прежний скептицизм. В самом деле, ну наобещала взбалмошная (да ещё после пары стопок виски) старушенция с три короба; Пётр Алексеевич под воздействием того же виски поверил, но на этом всё и закончилось.

Однако примерно через пару месяцев Петру Алексеевичу вновь неожиданно позвонили. На этот раз разговор шёл на английском. Звонивший мужчина отрекомендовался представителем транснациональной некоммерческой корпорации «Conversion», что можно было перевести как угодно: от «конверсии» до «преображения». Заявил об их желании воспользоваться услугами Петра Алексеевича при сценическом оформлении ежегодного чествования какого-то мифического языческого бога Вали, которое в феврале следующего года должно состояться в

родном для Петра Алексеевича городе Краснохолмске. И вновь с Петром Алексеевичем произошла примерно такая же трансформация, как и в прежнем разговоре с тётушкой. Вначале воспринял это предложение как розыгрыш, никак не связав его с состоявшейся ранее встречей и посулами Ненилы Фёдоровны. «Какой ещё там “языческий бог”? Что за ерунда! Да ещё и в Краснохолмске. Чистая фантастика!» Однако, хотя бы любопытства ради, от встречи со звонившим не отказался. Им очутился самый заурядный клерк, каких в Америке тьмы и тьмы. Но какой бы непритязательной ни была внешность этого клерка, разговор между ними выглядел основательным и заслуживающим доверия. Петру Алексеевичу действительно предлагалось сотрудничество в организации – точнее, *masterminding*, что по-русски ближе к «постановочному оформлению» этого странного мероприятия. В награду за это Пётр Алексеевич мог претендовать на одно из двух: или достаточно неплохое денежное вспомоществование, или оказание *funding*, то есть материальной помощи при организации и сопровождении гастролей его самодеятельной труппы в том же самом Краснохолмске.

Пётр Алексеевич, почти не задумываясь, выбрал второе. При этом ему не так сильно захотелось «высветиться» в покинутом когда-то городе, как сделать что-то хорошее, оставляющее след в памяти у его подопечных *kids* («ребят»), как он их сам называл. Международные гастроли – что может быть для них более великолепным!? Жизнеутверждающим. Выяснилось в процессе переговоров, откуда ноги растут у намерения обратиться за помощью именно к Петру Алексеевичу: прозвучала фамилия краснохолмского губернатора Поварова. А Пётр Алексеевич уже знал, что фамилия его краснохолмской тётушки была такой же.

Вот так и подтвердилось, что вся эта каша действительно затеяна именно его родственницей, а не с бухты-барахты. Дальше, всё через того же клерка, потянулись другие, более детальные переговоры с уточнением, что именно от него потребуется, за счёт чего и с помощью кого. Теперь настало время реализовать задуманное. Но в первую очередь, как начальная ступенька к пока неясной вершине, ему необходимо повидаться с всемогущим, как это утверждает тётушка, губернатором города Краснохолмска.

3

«Смотри сюда. Смотришь? Вот дом, в котором я до двадцати трёх лет проживала, – обозначала свои “реперные точки”, сидя на переднем сидении машины рядом с безучастным, безмолвным водителем, тётушка. – Коммуналка в двенадцать семей. Одна соседка меня к своему охладу приревновала, при всех обозвала, а я её в отместку тут же кипятком из кружки. Такое пятнище ей поставила на харю! Не будь я тогда ещё несовершеннолетней, сидеть бы мне. А так внушением обошлись, отпустили на все четыре... А вот это школа, из которой меня пару раз из-за прогулов выгоняли... Вот на этом углу тот самый киоск стоял, в котором я пивом торговала... Вот ЗАГС, где мне штампик в паспорт поставили... А это тот самый родильный дом, в котором у меня из живота Колька мой, губернатор краснохолмский, на свет божий появился...» Наконец эта экскурсия закончилась, машина остановилась напротив Дома правительства на хорошо знакомом Петру Алексеевичу проспекте Ленина. Правда, сейчас он вновь стал называться Большой Дворянской улицей. «Извини, – проговорила тётушка Петру Алексеевичу, когда водитель, предварительно покинув своё место и обойдя машину, открыл заднюю дверцу, чтобы выпустить пассажира, – я сейчас поеду дальше. У меня процедура, никак не могу пропустить. Но о тебе уже знают. Куда надо проводят». Так оно, как обещала тётушка, и произошло: узнали, проводили.

В кабинете, куда Петру Алексеевичу предложили войти, двое: во главе стола – сам губернатор, за столом сбоку – богемной наружности господинчик средних лет в тёмно-синем вельветовом костюмчике, вместо галстука пёстрый нашейный платок. Представился Бенедиктом

Бенедиктовичем. Но в качестве кого, собственно, он присутствует при этом разговоре, об этом ни от губернатора, ни от самого Бенедикта Бенедиктовича ни слова.

«Николай Юрьевич Поваров» – Пётр Алексеевич успел прочесть крупную табличку на двери. Выглядит усталым, если не сказать замордованным. Видимо, сказала недавно закончившаяся встреча с бывшими «народно-демократическими прохиндеями». Это первое впечатление. Впечатление второе – губернатору до фени всё, что касается Петра Алексеевича. А если принимает, ещё и цедит при этом какие-то слова, скорее всего, это Ненила Фёдоровна науськала. Вся губернаторская аудиенция заняла минут пятнадцать, обошлись общими фразами, под конец губернатор извинился перед гостем, что ему пора уходить. «А пока передаю вас... – Губернатор бросил взгляд на вельветового, который за всё время, пока губернатор и Пётр Алексеевич пикировались пустопорожними словесами, не проронил ни звука. – Он в теме. Вы с ним подробно обо всём и перемолвитесь. А потом мне доложите».

Итак, губернатор слинял, а Пётр Алексеевич остался один на один с человеком с несколькими странными именами и отчеством. «Кто он всё-таки? Скорее всего, судя по наряду, какой-нибудь местный авторитетный театральный критик». Почему в первую очередь подумалось именно так? Оттого, что эти местные театральные критики успели попить много крови у тогда ещё начинающего режиссёра Петра Долгорукова. Причём вели себя довольно неоднозначно: после премьерных просмотров, при личных встречах, мило улыбались, произносили какие-то приятности, а потом – уже прилюдно, на каких-то формальных совещаниях, – поливали грязью, обвиняли чёрт знает в каких грехах. «Возможно, и этот из той же категории».

«Вы, должно быть, проголодались с дороги», – первое, что услышал Пётр Алексеевич от этого человека, когда дверь за губернатором закрылась и они остались в просторном кабинете один на один. Нет, такого «здорового» начала Пётр Алексеевич не предвосхищал. «Я всё-таки предлагаю немного посидеть, закусить, и заодно обсудим наши с вами дела». «Наши с вами»... Неплохое начало. А перекусить Пётр Алексеевич действительно не прочь. «Прошу вас, – уже как будто в роли хозяина назвавшийся Бенедиктом Бенедиктовичем провёл Петра Алексеевича в прилегающую к кабинету уютную комнатку-столовую. Тут же предупредил: – Впрочем, никаких пиршеств. Излишеств. Только чтобы заморить червячка. Если вы не против, давайте по парочке свиных отбивных. Я уже пробовал. Мне очень понравилось. Видите ли, у Николая Юрьевича собственная ферма. Несколько бычков, с десятков свиней. Всё возвращаемое исключительно на чистой органике. Никаких ГМО».

«Прошу вас не обижаться на Николая Юрьевича, – с этой произнесённой Бенедиктом Бенедиктовичем фразы начался заявленный им несколькими минутами раньше разговор о «наших делах», когда тот и другой расселись за овальным столиком. – За то, что он уделил вам так мало времени. Это очень современно мыслящий, очень творческий, широко шагающий и глубоко копающий человек. Я бы даже сказал – новой формации. Именно такие, как он, сейчас особенно нужны возрождающейся России. Те, которым хватает ума привлекать к себе, окружать себя подлинно талантливыми, беспокойными, ищущими, видящими далеко впереди себя людьми. Приблизительно такими, как вы». «Ну-ну, – промелькнуло в голове Петра Алексеевича, – хорошо, братец, стелешь. Посмотрим, что будет дальше». Вообще, эта режущая слух, словно заимствованная из какого-нибудь учебника по риторике, высокопарная манера выражать свои мысли показалась Петру Алексеевичу забавной. «Интересно, он так же и дальше будет? Или, в конце концов, перейдёт на нормальный разговорный?» Сам он решил пока воздерживаться от слов. Ему сейчас надо слушать. Точнее, внимать. И на ус наматывать. «Я же лишь представляю интересы небезызвестной вам корпорации “Conversion”, – между тем продолжил Бенедикт Бенедиктович. Точно так же никуда не исчезла витиеватость в изложении его послания. – Благодаря отчасти усилиям которой... Говорю “отчасти”, потому что не забываю: всё началось с божественного толчка, произведённого достопочтенной Ненилой Фёдоровной, вашей тётушкой. Мы же всегда и во всём только следуем за ним». «Стоп! – мозговая

работа Петра Алексеевича. – Что значит “за ним”? За божественным толчком? Не слишком ли самонадеянно?.. Однако». Пока всё более очевидным предусмотрительно держащему язык за зубами Петру Алексеевичу становилось только одно: нет, это не критик, этот человек из другой оперы. «Conversion»? Значит, этот краснбай из «Conversion»? Но Пётр Алексеевич пока в неведении, что собой представляет эта «Conversion». В чём её (его) основная функция? И почему именно он, персонально Пётр Алексеевич Долгоруков, оказался в сфере интересов этой корпорации? Тётушка – да, с неё всё началось. Ну а дальше-то? Пока брянский лес...

Между тем в комнатку-столовую вошла секретарь губернатора с подносом. Бенедикт Бенедиктович с готовностью помог ей переместить всё, что возлежало на нём, на стол. Секретарь пожелала приятного аппетита и ушла, а Пётр Алексеевич с Бенедиктом Бенедиктовичем вновь остались одни.

«По рюмочке, – исполняющий функции хозяина Бенедикт Бенедиктович взялся за приносённый вместе со всем остальным наполненный чем-то графинчик. – Коньяк, надо вам признаться, здесь не супер. Очевидный фальшак. Но за неимением лучшего... позвольте... За ваши успехи! Чтобы всё у вас получилось, как вы сами этого хотите. А хотите вы, насколько я разумею, ни больше ни меньше... – Ну наконец-то, пошёл хоть какой-то предметный разговор! – В беседе с Николаем Юрьевичем, когда он спросил, чем бы вы хотели порадовать местных театралов, вы признались, что намерены привезти и показать свою, так сказать, классику. Спектакль “Аргонавты”. Вершина, можно смело утверждать, вашего ещё... предэмиграционного. Когда вам было так плохо! Когда вас все кусали, а вы только огрызались и мечтали о свободе. Ваши побуждения, Пётр Алексеевич, мне, как человеку относительно близко к сердцу принимающему всё, что относится к театру, очень даже понятны, но... Позволю напомнить Гераклитово... По-человечески понятно и естественно ваше желание ступить в ту же реку. Реку вашей относительной ещё молодости, но река-то эта, я вас уверяю, совсем не та. Не обмелела, нет! Тут несколько другое. Вашим “Аргонавтам”, в какой бы аранжировке они ни были, нужны не сценические подмости, а... скажем, подземелья с прячущимися в них первыми беднягами-христианами. Там ваш спектакль ещё мог бы получить какой-то адекватный отклик. Но здесь и сейчас?.. В современной, становящейся на новые цивилизационные рельсы России? Которой начхать на аргонавтов вообще и на ваших в частности. При этом, вы уж извините... вам-то, может, и ничего, а вашим американским питомцам?.. С их ещё юношеской уязвимостью, с особенно пылкой потребностью успеха. Очень сомневаюсь, что, если будете настаивать на “Аргонавтах”, они сей успех обретут. Скорее, полное недоумение. Я говорю о зрителе.

В лучшем случае – вежливое похлопывание. Вам их, я говорю о вашей юной поросли, не жалко?..»

И только сейчас Пётр Алексеевич решился прервать это не знающее удержу словоблудие. Но, прежде чем остановить, про себя подумал: «Вот вам и не критик! Вот вам и представитель какой-то там транснациональной корпорации. А рассуждает как вроде уже канувший в Лету, ушедший в небытие советский третьеразрядный чинуша от культуры». «Простите, а можно, наконец, узнать – а то мы с вами разговариваем как в потёмках – кто вы вообще такой, чтобы судить-рядить о моих “Аргонавтах”? Что вообще понимаете в театре? Откуда эта ваша уверенность, будет у нас успех или нет?» Пётр Алексеевич начал кипятииться, а Бенедикту Бенедиктовичу как будто хоть бы что. Даже, видимо, довольный реакцией им только что ужаленного человека, улыбается. «Не гневайтесь, Пётр Алексеевич! Я пока сказал только “а”, а вы уже выходите из берегов, мечете, аки Зевс, громы и молнии. Ох уж этот ваш темперамент! Имейте терпение послушать и “б”, и тогда ваше мнение обо мне и моих уверенностях, возможно, изменится. Хорошо, больше не будем о вашем прежнем. Поговорим о настоящем. В репертуаре вашего театра есть другой... замечательный спектакль. Тот, что вы показали совсем недавно. Вы, наверное, уже догадались... Да, я говорю о ваших “Трёх сёстрах”, Пётр Алексеевич. Подчёркиваю, “ваших”, а не чеховских. Потому что ваши “Три сестры” это не Чехов, это нечто

прямо противоположное. Это анти-Чехов! Этим-то как раз и замечательно ваше прочтение классика. Ваше сугубо авторское. Что вы переиначиваете. Есть ещё другое слово: перелицовываете. В этом суть и девиз и всего того, что делаем и к чему стремимся мы. “Мы” – то есть наша корпорация. Конверсия, Пётр Алексеевич. Превращение и перерождение. Именно это нас так с вами и роднит. А вас... вас, пожалуй, ставит в первую десятку самых выдающихся театральных режиссёров современности. Подчёркиваю, “пожалуй”. Это всего лишь скромное мнение – пусть и не рядового, но всего лишь человека *околотеатрального*». Да, вот так! Это, кажется, называется «из огня да в полымя». Петру Алексеевичу, конечно, не нравится, когда его безосновательно, как ему кажется, ругают, принижают. Кому вообще это может понравиться? Он, естественно, начинает сердиться. Но когда и похвалы выше небес... «Самый выдающийся»... «современности»... Как правило, такого рода безудержное восхваление вызывает в нём больше недоверия к восхвалителю: «Здесь явно что-то не то».

«Ну, это вы уже... это уж слишком... Вас послушать... можно подумать, вы ходили на мои спектакли». На что Бенедикт Бенедиктович заметил с улыбочкой, которую вполне можно назвать мефистофельской: «А что вы думаете? Так и было. И именно во многом потому, что я ходил и смотрел, наш выбор, кому доверить оформление, огранку, если можно так выразиться, нашего ежегодного торжества, а это, как нами задумано, должно стать выдающимся, может, даже резонансным событием... как это ни покажется сейчас невероятным – мирового масштаба!.. выбор пал именно на вас. Не буду скрывать – вы были вначале лишь одним из довольно обширного списка номинантов, у вас были серьёзные соперники. Но ваши “Три сестры”... Они качнули... они решили исход дела в вашу пользу». – «Тогда... чем же мои “Три сестры” вас так привлекли?» – «Если очень-очень коротко, своей... нагостью, Пётр Алексеевич. Если, конечно, так можно выразиться. В смысле: “Я сир и наг”... – Он, кажется, собирался ещё что-то добавить, но тут запипикал его селфон; он бросил взгляд на экран. – Боюсь, нам с вами придётся на этом прерваться. Но, разумеется, мы ещё встретимся. И не один раз. Вас сейчас подбросят до гостиницы.

Помогут разместиться. Устраивайтесь, отдыхайте. Встречайтесь со своими. У вас, я знаю, здесь родные, друзья. Ваш сын. Славный молодой человек! Которому вы нужны... и который нужен вам. Ну а завтра, с утра... нам с вами предстоит очень серьёзная работа. Что же касается того, с чем вам ехать на гастроли... У меня есть все основания полагать, что они всё-таки состоятся. Разумеется, это ваше авторское решение, что брать, что показывать. Не мне принадлежит право первой брачной ночи. Я здесь лишь как зритель. И как зритель высказал лишь свои скромные зрительские предпочтения».

4

«Аркашенька!» Аркадий только заехал в тесный родной дворик на Энтузиастов, вышел из машины, когда услышал, что его кто-то зовёт. Оглянулся: Иван Евдокимович. В своей ещё советской выделки цигейковой дублёрке, лоснящейся по швам накладных карманов и в том известном выпуклом месте, которое называется филейной частью тела. Восседает на побеленной недавно выпавшей порцией нового снега скамье. Во дворике ещё одна скамья, но она сейчас оккупирована весёлой разнополой компанией. «Куда вы пропали? Я собрался вас подвезти...» – «Аркашенька, подойди ко мне, – лстивым голосом, – хочу с тобой кое-чем поделиться». Аркадий неохотно послушался, подошёл. Отчим уже без гвоздик, но папка при нём. А это означает, что Иван Евдокимович как вернулся с вокзала, так в квартиру ещё и не заходил. «Я буквально только сейчас подумал о тебе... Не хочешь присесть?» На незанятой Иваном Евдокимовичем половине скамьи снег, а под снегом лёд. Поэтому Аркадий предпочёл не садиться. «Что подумали?» – «Что мы уже так долго живём бок о бок, но так редко... чтобы, как говорится, сесть рядом и поговорить ладком. При этом – да, мы так редко ссорились... почти

не ссорились... даже не вспомнить... и всё равно... я благодарен тебе». – «За что?» – опешил Аркадий. «За то, что обозначил меня... отметил... отрекомендовал. Когда с Петром Алексеевичем. Когда он меня так высокомерно: “Кто *этот*?” Ведь ты мог бы и промолчать, сделать вид, что я тебе чужой... Как ты считаешь, он действительно меня не признал? Но ведь мы же встречались! Прежде. Тогда. Да, нечасто, но... конфликтовали. Пусть и на идейной почве. Мы разошлись тогда в оценке судеб социалистического реализма. Да, кардинально разошлись. Но ведь это же не повод – как ты считаешь? – демонстративно не узнавать меня сейчас. Когда прошло столько лет! Или это такая с его стороны своеобразная, прости меня, достоевщина?»

«Мужики! – сильно подвыпивший, покачивающийся гражданин с соседней скамьи, настроенный, правда, очень миролюбиво. – Мы тут сына моего обмываем. Первенького! А то прежде всё дочки да дочки. Словом, просим». – «Нет-нет! – испуганный отчим. – Спасибо, мне нельзя. – А дальше соврал: – Язвенник». – «Я тоже», – отказался от приглашения Аркадий. «Что, язвенники одни собрались?.. – обиженный счастливый отец. – Ладно, неволить не будем. Мы ведь как? Мы по-русски, от всего сердца... А раз уж тут одни нерусские собрались... Чёрт с вами!»

Иван Евдокимович, когда обиженный перестал к ним приставать, почти шёпотом проговорил: «По-моему, он страшный человек!» – «Кто?» – удивлённый Аркадий. Подумалось, что Иван Евдокимович имеет в виду именно этого, радующегося рождению своего первенького. «Пётр Алексеевич... твой отец... Да, конечно, он очень даже неординарный. Об этом никто и не спорит. А страшный оттого, что живёт только собой и думает только о себе. И наша мамочка это тоже своевременно поняла». Иван Евдокимович говорил сейчас об Аркадьевой матери, он часто называл её «мамочкой». Хотя, если обращался напрямую, звал просто по имени – Варя. И лишь когда на неё из-за чего-то сердился, переходил на имя-отчество. «Но слишком поздно... Ты знаешь, что она была у портнихи?» – «Зачем?» – «Она сшила новый английский костюм. Из джерси. Я видел. Он ей очень идёт. Как думаешь, зачем ей английский костюм из джерси, да ещё накануне приезда Петра Алексеевича? Когда у неё и так неплохой гардероб. А я догадываюсь. Она хотела его удивить, может, даже очаровать, но в последний момент вдруг взяла и передумала. Осталась дома». «Вполне может быть», – подумал Аркадий, а вслух: «Хватит вам тут! Мало вашего геморроя? Ещё чего-нибудь на морозе подхватите».

«Эта же портниха, кстати, шила когда-то нашей мамочке подвенечное платье, – продолжил свою болтовню Иван Евдокимович, когда уже заодно с Аркадием направился в сторону подъезда. – Оно до сих пор висит у неё. На плечиках. Может, ты тоже его видел. Она собиралась обвенчаться в нём с твоим отцом, а он вместо этого... променял её на свободу творчества. И тебя, кстати, тоже...» – «Да хватит вам! – оборвал Аркадий ведущего себя не по-новосельцевски, то есть заболтавшегося без меры, Ивана Евдокимовича. К тому же ещё ступившего на чужую территорию: какое дело этому человеку до того, кто с кем собирался обвенчаться и кто кого на что променял? Он. Чужак. – Я всё это отлично и без вас знаю». – «Да, конечно, ты человек очень информированный», – покорно согласился отчим. «Если и “достоевщина”, – подумал Аркадий, а подумал оттого, что вспомнил буквально пару минут назад услышанное от отчима и относящееся к отцу, – то у вас, Иван Евдокимович, её будет не меньше, чем у Петра Алексеевича. Словом, вы оба хороши!»

Когда вошли в прихожую, застали мать разговаривающей с кем-то по телефону. Точнее, не разговаривающей, а слушающей. Заметив входящих, только кивнула головой, что означало: «Да. Вижу. Пришли. Хорошо» – и продолжила слушать дальше. Иван Евдокимович, быстро разувшись и оставив на вешалке свою эпохи ещё личного театрального триумфа дублёнку, юркнул к себе, а Аркадий прошёл на кухню. Он вдруг испытал сильную потребность чего-нибудь перекусить. Желание, наверное, естественное, учитывая, что последнее, что побывало у него во рту, случилось ещё этим утром на Танеевой даче, перед тем как ему отправиться

в дорогу. Он подогрел тогда на своей газовой плите приобретённую накануне в Сарафаново пару голубцов-полуфабрикатов. А сейчас уже далеко за восемь.

Аркадий ещё сидел на корточках перед открытым холодильником, соображая, чем бы ему предпочтительнее поживиться, когда на кухню заглянула только что, видимо, закончившая свою затянувшуюся телефонную сессию мать. Она, похоже, за всё время этой сессии не проронила ни слова. «Оставь это». Аркадий вопросительно посмотрел на неё, продолжая оставаться в том же положении. «Я только что разговаривала с Петром Алексеевичем... Он приглашает нас втроём к себе. В гостиницу. На ужин. Прямо сейчас. Я отказалась. И за себя и за Ивана Евдокимовича. А тебя прошу сходить. Отчитаться за всех нас».

5

«Молодой человек, а вы к кому?» – пожилая дежурная в гостинице. «В двадцать пятый номер. К Петру Алексеевичу Долгорукову», – отчеканил Аркадий. «А вы, простите, кто?» Аркадий назвал себя. Дежурная, с каким-то как будто подозрением поглядывая на неожиданного гостя, набрала номер внутреннего телефона. Подождав и, видимо, не получив ответа, вернула трубку. Далее с видом «Я же сразу почуяла, тут что-то не так»: «А никто не берёт». – «Возьмут. Наберите ещё раз», – жёстко потребовал Аркадий. Дежурная на этот раз бросила взгляд на висящую позади неё доску с ключами и, видимо убедившись, что ключ от двадцать пятого номера действительно отсутствует, неохотно, однако пошла Аркадию навстречу. Опять долго ждала и наконец: «Извините. Господин Долгорукий? Извините, Долгоруков. А к вам пришли... – Аркадию: – Как вас назвать?» – «Сыном». – «Сыном?» – удивилась дежурная. «Да, сыном. А что тут удивительного?» – «Вы меня простите, – дежурная в трубку, – но этот человек называет себя сыном... Да, я понимаю. – Далее Аркадию, облачко недоверия ещё не сошло с её лица: – Пожалуйста, проходите. Вас ждут... Вон по тому лифту». – «Я знаю».

Аркадий не врал. «Октябрьскую», главную гостиницу города, он изучил как облупленную. На стук в дверь под номером «25» вначале никто не откликнулся, тогда Аркадий постучал погромче. «Аркаша, это ты? – теперь отозвались, но голос на каком-то отдалении от двери. – Входи, входи! Не закрыто. Я тебя жду».

Аркадий вошёл и никого не увидел. «Раздевайся. Присаживайся, а я сейчас». Номер со спальней комнатой. Таких в «Октябрьской» всего четыре, и они не пользуются большим спросом, потому что дорого. Кому-то дорого, а отцу – нет. Голос же доносится сейчас именно из спальни комнаты, самого хозяина пока не видно. «Подожди немножко, мне тут... Если скучно, можешь полистать. Увидишь на столе. Относительно свежая пресса. Как у тебя с английским?» – «Так себе». – «Видишь ли, я вот-вот как сам добрался досюда. Натерпелся. Как выжатый лимон. Освежился под душем. Сейчас переоденусь». – «Ничего, не спеши». Аркадий уселся в свободное кресло у стола.

На сиденье другого кресла – открытый, заполненный вещами кофр. На столе холмик из цветочных букетов, пара мятых газет на русском, сверху «Московский комсомолец» и парочка журналов на английском, эти последние лежат врозь, как будто поссорились друг с другом: «Newsweek» слева, «Journal of the American Drama and Theatre (JADT)» справа. Пожалуй, что одно, что другое не подвластно Аркадию: с английским он никогда не был на «ты». Зато вполне подвластна ему фотография в рамке и с ножкой из твёрдого картона. Она-то, то есть фотография, а не ножка, и привлекла внимание. Групповой снимок. Так прежде, ещё до того как сам Аркадий пошёл в школу, снимались по завершении учебного года всем классом. Таких групповых снимков много у матери. Учительница по центру, по левую и по правую руку от неё – самые выдающиеся ученики; чем дальше на периферию, тем менее достойными они были и в глазах тех, кто снимал, да и, пожалуй, в собственных. Варя Новосельцева неизменно в «выдающихся», от первого класса до десятого. На той же фотографии, что сейчас в руках у Аркадия,

вовсе не юная мать, а уже старый, то есть такой, как сейчас, отец в окружении, скорее всего, своих уже заокеанских «птенцов». В основном молодые ребята, примерно тех же лет, что и Аркадий. Белые и чёрные. Все довольные, улыбающиеся. Тех, кто постарше, посolidнее, – наперечёт. Однако точно так же, как под копирку, улыбаются.

«Всё-таки ты молодец, что не погнушался, пришёл», – отец по-прежнему пока присутствует только голосом. Долго же он одевается! Как будто ему сейчас предстоит выйти на сцену. У самого Аркадия на эту процедуру обычно уходит максимум пара минут. «А вот наша... при-мадонна... Уж как только я её ни уговаривал! Чуть ли ни вприсядку перед ней. Нет! Так и не удостоила. Я по-прежнему у неё в чёрном списке. Что-то типа “вооружён и очень опасен”. Не человек – камень. А как с ней ладишь ты?» – «По-разному. В основном нормально». – «Похвально... Возможно, оттого, что в тебе самом... Ведь ты очень многое взял от неё. Ну, это и понятно. Так и должно. Что я такое? Потомок каких-то мещан. Всего-то. А ты знаешь, что твои прадеды были прасолами?... Да знаешь ли ты вообще, что такое прасол?» – «Да, представляю», – Аркадия даже немного обидело, что отец посчитал его таким неграмотным. «Закупали свежую рыбу, мясо, делали из них разного рода деликатесы, – отец, возможно, не слышал Аркадьева “Да, представляю” и продолжил: – А потом на прилавок. У нас была даже собственная маленькая лавочка. – Он сказал “у нас” так, словно и сам был совсем недавно её владельцем. – Маленькая, но на Малой Дворянской. У меня фотографии её сохранились, я тебе покажу. Предки же твоей матери самые настоящие крестьяне. Но не барские. На барщине никогда спину не гнули. Что такое рабство, никогда на себе не познали. Они были вольными. Может, поэтому и мать твоя такая – негибкая. “Гвозди бы делать из этих людей”. Это и про неё». – «Ещё они были староверами», – дополнил Аркадий нарисованную отцом картину очень важным мазком. «Верно. Архангельского разлива, я это знаю. Что тоже, конечно, многое объясняет. Только почему “были”? Они и есть». – «Мама не староверка». – «А кто же она?» – «Коммунистка». – «Как? До сих пор?..» – «Да, до сих пор. Ну, может, не так сильно, как прежде. Хотя никому в этом не признаётся. И коммунизм у неё какой-то... не такой». – «То есть не как в “Кратком курсе истории ВКП(б)”»? Согласен. Но это как раз и означает, что в душе она староверка, а чистая вера в коммунизм... в светлое справедливое царствие на земле, где вместе будут возлегать хищники и агнцы – всё это уже есть маленькая, а может, и крупная абберрация. Впрочем, вполне допускаю, что и ты... что с тобой примерно такая же история». – «Я не старовер.

И не коммунист». – «Тогда кто же ты?» – «Свободный человек». – «Хм... “Свободный”? Это значит, ты ещё очень мало знаешь о себе. Извини, но мне ещё надо будет сделать один маленький звоночек». Застряв в двери, оставаясь наполовину в спальне, с прижатым к уху крохотным телефоном, под стать тому, что Аркадий сегодня видел у Али, стал с кем-то с жаром объясняться на английском, но с заметным даже для неискущённого Аркадьева слуха русским акцентом.

Однако как же отец преобразился! Недаром у него ушло на одевание так много времени. Нет, сейчас он не мужичок. На нём элегантный, почти фрачного типа чёрный костюм. Франтоватая бабочка. Да и борода выглядит не такой, как на вокзале. То ли в парикмахерской побывал, то ли сам: укоротил, подравнял, причесал. Закончив разговор, убрав свой телефончик в карман брюк: «Извини. Дела...» Прошёл к открытому кофру, извлёк из него что-то типа travel bag. А из трэвел-бара – миниатюрную, граммов на сто, фляжечку, пару серебристых рюмочек. «Ром. По чуть-чуть. Не возражаешь? Не по чуть-чуть, когда соберёмся за общим столом». «А! Так ещё кто-то будет!» – отчего-то неприятно осенило Аркадия. «Неприятно» оттого, что он бы предпочёл «побазарить» с отцом наедине. «Да, тётя спутала нам все карты. Ты понимаешь, о ком я говорю. Заранее договорились, что спокойно посидим за столом. Нам ведь есть о чём вспомнить. Пришлось сдвинуть время. Я их поджидаю. Они обещали. Ты тоже, я надеюсь, не

побрезгуешь, посидишь вместе со всеми... А что это у тебя?» Заметил у Аркадия на коленях папку Ивана Евдокимовича.

Да, когда Аркадий уже собрался покинуть квартиру на Энтузиастов, в прихожую осторожно, с оглядкой, как тать, проник отчим – и шёпотом, чтобы, не дай бог, «мамочка» не услышала: «Я понимаю, Аркаша, это унинительно... Я имею в виду: унинительно для меня... Всё же передай Петру Алексеевичу вот это, – протягивая папку. – Моя последняя. Это уже не соцреализм. Пусть убедится, что я тоже... перестроился. Если, разумеется, найдёт время прочесть».

«Хорошо, – сказал Пётр Алексеевич Аркадию уже после того, как тот признался отцу, что у него за папка. – Положа руку на сердце, твоему отчиму лучше бы стать сапожником, а не портить бумагу. Но если уж ты так просишь за него... – Вяло махнул рукой. – Ладно. Оставь. Авось... – Покапал из фляжки сначала в одну рюмочку, потом в другую. – Я уже знаю, мне о тебе доложили. Ты этим, – на наполненную рюмку, – не злоупотребляешь. Молодец... Ну что же? За встречу?..»

Выпили, и отец, видимо заметив по тому, как фотография изменила положение на столе (у родителя прекрасная зрительная память, Аркадий это по детским годам знает, когда тот ещё пытался обучать его основам актёрского ремесла), и догадавшись, что она побывала в Аркадьевых руках: «Посмотрел? Да, это мои... В целом, все очень славные ребята... Почти такие же молодые, как ты. И приблизительно такие же идеалисты... Да, ты идеалист, я в этом ничуть не сомневаюсь... Или, так будет вернее, *ещё* идеалист... Театр в чисто материальном выражении им ничего не даёт. Только адреналин с выходом на сцену. А ты, значит, как будто бы записался в рабочий класс? Убираешь снег с чужих крыш?» – «Это плохо?» – «Н-нет... Ничего... Главное, чтобы на этом долго не задерживался. Будет совсем скверно, если навсегда. Но думаю, с тобой этого не случится. Ты же сын своего отца. В тебе должно быть достаточно честолюбия! Да я и по глазам твоим это вижу. Ты, Аркаша, поле нераспаханное. Целина... Ещё по одной – и на этом этапе, пожалуй, закруглимся».

Отец ещё раз капнул и уже после того, как выпил, добавил: «Хочу привезти их сюда. Показать, откуда я взялся. И чтобы они показали себя... Я о своих американцах. Я ведь тоже, Аркадий, в каком-то смысле идеалист. А вот они... – вновь обратился к фотографии, – у них, пожалуй, всё это немножко уже по-другому. Они, ты знаешь, даже мечтают... с умом. Прекрасно отдают себе отчёт, что мечтой обух не перешибёшь, и уже заранее, с молоком матери, готовят себя к другой жизни. Без мечты, но при деле... Нет, я сказал “с молоком матери”, но это не совсем так. У них всё больше в моду входит искусственное питание. Пастеризованное. Меньше риску для здоровья. Может, в этом дело? Они пастеризованные, а мы нет? Но это не мешает мне относиться к ним почти как к моим... прежним... Да, важное уточнение – “почти”... Послушай, я всё говорю, говорю, а из тебя, как из матери... Мне бы хотелось, пока я здесь, чтобы ты показал мне свою девушку. Это можно?» Аркадий, смутившись: «У меня её сейчас нет». – «Ты... живёшь без девушки?! Надеюсь...» – «Да нет! – Аркадий понял отца. – С этим всё в порядке». – «А с чем тогда не в порядке?» – «Ну... скажем, мы поссорились». – «А-а... ну, это дело другое, это случается, и это поправимое... Как её зовут?» – «Кого?» – «Твою девушку». – «Это так важно?» – «Как зовут? Да. Как назовётся, так и поплывётся». – «Ну, скажем... Валя». – «Валя? Хм... – Отец выглядел немного разочарованным, как будто ждал от Аркадия чего-то другого. – Что ж... Как говорится, простенько, но со вкусом...»

Аркадию хотелось поскорее закончить эту бередящую его сердечные раны тему, и он как отвлекающий манёвр взял в руки один из лежащих на столе журналов. «Да, я специально привёз, – проговорил отец. – Там есть маленькая статья и обо мне». В руках Аркадия в это время был не «Newsweek», а другой журнал, тот, что назывался более сложно. Отец же, может, даже и собирался попространнее поговорить на тему, *что именно* о нём написали, но из кармана его брюк донеслась мелодия. «Извини!» – он живо поднялся и устремился к двери в спальную ком-

нату, прижимая телефон к уху. И дальше, оставаясь на другой половине (как будто стеснялся говорить при Аркадии), продолжил разговор на английском. Ещё не закончил, когда зазвонил телефон в номере. Прервавшись, отец крикнул Аркадию: «Возьми трубку! Послушай». Аркадий сразу узнал голос Глеба: «Пётр Алексеич, куда нам дальше? Мы уже здесь». – «Это не Пётр Алексеевич», – откликнулся Аркадий. «Аркаша?.. А что Пётр Алексеевич?» Аркадий коротко объяснил. «Мои пожаловали? – откликнулся заглянувший с другой половины отец. – Передай им, пусть поднимутся в двадцать пятый».

«Я, пожалуй, пойду», – объявил Аркадий уже после того, как объяснился с Глебом, а отец закончил свои затянувшиеся переговоры на английском. «Ты не хочешь посидеть с нами? – огорчился отец. – Я на тебя рассчитывал... Тебя же все так уважают... Жаль, но... Послушай, снег, который ты убираешь, это крыша на Танеевой даче?» – «Д-да», – несколько удивился Аркадий («Откуда он узнал? Впрочем, тётя Зина могла сказать. Или мать»). «Ну, тогда наши стежки-дорожки сошлись! – обрадованно. – Мне ведь тоже там придётся». – «Зачем?» – «Надо будет довести до ума одно дельце». – «На даче?» – «Да, представь себе. Это будет что-то типа перфоманса. Знаешь, что такое перфоманс?» – «Д-да». – «Но я пока и сам не владею полной информацией. Во всяком случае, у нас ещё будет железный шанс там повидаться и поговорить. И это хорошо. Нам ещё предстоит поговорить о многом. Или, так будет точнее, о многом друг другу поведать. Ведь ты мой сын, а я твой отец! И это самое важное в этой жизни. И для тебя, и для меня. Или ты думаешь как-то иначе?» Да, пожалуй, Аркадий был другого мнения о самом важном. Но отцу об этом ничего не сказал. А не сказал оттого, что знает, помнит, по возможности соблюдает: «Мысль изреченная есть ложь». Этой максимы старается придерживаться и сейчас.

Глава третья

1

Двадцатого февраля день рождения у матери Екатерины Юрьевны. Когда всё нормально, его справляют с помпой. Это считается едва ли не самым большим общесемейным торжеством. На этот же раз дело обстоит именно «ненормально». Брат Николай и мать накануне крупно поссорились. Брату доложили, что матери (мало того что она уже проела ему плешь этим племянничком-американцем) теперь ещё вздумалось хлопотать за него и в мэрии. А это уже другая епархия. И отношения между губернатором и мэром далеко не безоблачные: как между кошкой и собакой (разные партии). Николай Юрьевич, разумеется, по праву губернатора выступает здесь в роли собаки. Вспылил, позвонил матери и энергично её отчитал, чтобы «не совала нос, куда не следует». Мало того, до неё же дошла сплетня, что сын при ком-то сказал: «Ну совсем спятила старуха». Более чем достаточно для строптивой Ненилы Фёдоровны, чтобы она прекратила все «дипломатические отношения» с сыном. Собралась и умчала на построенную ещё в советские времена дачу на озере Привольное. И всё это несмотря на недолеченную ногу, прописанные ей ежедневные процедуры. Этим поставила всё семейство в очень сложное положение.

«Привет, сестрёнка! Говорить можешь?» – дозвонившийся до Екатерины Юрьевны Николай Юрьевич. «Почему же не могу?» – «Что с матерью-то делать будем? Я про её день рождения. Она ведь тоже психанула. В Привольное укатила. Или ты не в курсе?» Нет, в курсе, конечно, Екатерина Юрьевна. «Я не знаю. Тебе решать». – «Я лично за себя уже решил. Поеду туда. С Марусей, естественно. Насчёт Юльки и Ко – сомневаюсь. Найдут какую-нибудь отговорку. А тебе, мне кажется, тоже придётся прогуляться. Ничего. Для тебя сейчас это даже полезно. Проветришься. От своего фотографа немного отвлечёшься. Заодно Настёну с собой возьми... Возьми, возьми! Они ещё между собой как-то ладят. Нам через неё легче будет».

Тяжёлая, через «не могу» поездка. Екатерину Юрьевну сейчас не манит никуда, но и доводить до белого каления строптивую Ненилу Фёдоровну, не оказав ей должного внимания в её «святой день», риск тоже очень большой. И вот Екатерина Юрьевна едет на эту дачу, да ещё в компании, как её об этом попросил брат, с дочерью. А где дочь, там и гувернантка. Без неё сейчас Настя никуда. В городе оставили только собачку Долли. За непоседой глаз да глаз: вырвется из рук, потом ищи-свищи по всему посёлку.

Екатерина Юрьевна в разные периоды своей жизни по-разному относилась к этой даче. В детстве она выживала там только под большим родительским прессом. Из-за многого. Из-за отсутствия, например, элементарных городских удобств. Неизбежной скученности, особенно когда съезжались всей семьёй. Угрозы быть искусанной надоедливými комарами, возможности встретиться с неприятными (жужелицами, например) или опасными (пауки или оводы) существами. А ещё её не трогала окружающая их дачу природа, она не любила ни кататься на лодке по озеру, ни ходить в лес по грибы-ягоды. От деревенского солнца начинала шелушиться кожа на её лице, отчего оно становилась ещё более непривлекательным; от прохладных утренних рос возникала угроза простуды, а грозы, если они случались, вызывали в Кате панический страх – ей тогда хотелось спрятаться поскорее в их глубоком холодном подвале. С годами, по мере того как, наверное, изменялась она сама, изменялось и её отношение к родительской «даче-деревне». Прежде, ещё какую-то пару лет назад, если у неё возникала потребность побывать на природе, она выбирала для этого такую благоустроенную страну, как Финляндия. Это «отрыжка» ещё позднестуденческих лет, когда ей пару раз удалось погостить в Хельсинки благодаря скоротечному роману с одним уже довольно «пожилым», по её прежним,

девичьим меркам (а Эрки было тогда порядочно за тридцать), работником «FinnAero». Их агентство тогда располагалось на улице Майорова. И только именно в последние годы она стала находить в этом полузаброшенном, теперь редко посещаемом доме, на зарастающей быстро набирающими высоту, появляющимися неизвестно как и откуда новыми кустарниками и деревьями огибающей их дом с трёх сторон территории что-то очень привлекательное для себя.

Не чуждая самоанализу, попыталась разобраться, в чём дело, и постепенно осознала: её тянет сюда как магнитом проведённое когда-то и оставленное здесь детство. Да, детство было именно здесь, хотя она его тогда совсем не ценила. Детство проживалось, несмотря на досаждавших ей жужелиц, пауков, пугающие грозы, понаставленные синяки и царапины. А может, и благодаря им. И всё это в противопоставлении строгому, чинному, чопорному, требовательному городу. Вот где не было детства! Из-за вечной родительской муштры, хождения в школу, никогда не прекращающейся, изматывающей её силы гонки за «круглоотличниками». И что, наверное, самое удручающее, нервнотратное – для неё, той самой, которая «нехороша собой», – вечным сражением за внимание к ней противостоящей половины человечества. В деревенском же её детстве, за крайне редким исключением, она чувствовала себя в большей безопасности.

2

Когда машина подкатила прямо к дому, их никто не встретил. Другие авто не просматривались, то есть брат ещё не приехал. Из дома, несмотря на закрытые окна, доносился нестройный бабий ор: «Огней так много золотых на улицах Саратова...» Вышедшая гостям навстречу девушка, заменившая на время обычно проживавшую рядом с матерью по праву относительно близкой родственницы Луизу, сообщила Екатерине Юрьевне, что «Ненила Фёдоровна угощает пришедших к ней на день рожденья подружек из деревни». Екатерине Юрьевне не хотелось смешиваться с деревенскими подружками, поэтому она попросила девушку, чтобы та ничего пока об их появлении не докладывала. «Мам, а мы с Геей хотим на озеро прогуляться! Можно?» «Мы с Геей» – фраза, которую с появлением в их доме гувернантки Екатерине Юрьевне то и дело приходилось слышать, слегка подскрёбывала по материнскому самолюбию, но... ничего. С этим-то она вполне мирилась.

Да, минуло уже полгода, как Екатерина Юрьевна пошла на определённый риск: наняла для дочери необычную гувернантку. Время «подбивать бабки». Итог – скорее, неоднозначный. Его можно было бы поделить на «она и дочь» и «она и я». С дочерью всё в плюсе. Она – и это не только собственное суждение Екатерины Юрьевны, но и всех близких её кругу людей – стала более, что ли... цивилизованной. Поменьше проблем и со школой. Екатерина Юрьевна ведь, по своим «педагогическим» соображениям, предпочитала, чтобы Настя ходила не в её «гимназию раздельного обучения», а в обычную. «Поменьше» в плане того, что у Насти стало получше и с дисциплиной, и с успеваемостью. Тройки для неё приобрели статус «редкости», а раньше это была обыденность. Но что касается другой составляющей её силлогизма...

Внешне и Екатерина Юрьевна, и девушка вели себя ровно так, как и должно, если речь идёт о начальнике и подчинённом: начальник начальствует, подчинённый подчиняется. Если Екатерина Юрьевна чем-то недовольна – деликатно ставит гувернантку в известность. Та, если замечание, с её точки зрения, справедливо, принимает его к сведению, если нет – приводит контраргумент. В таком случае, как правило, коль обе стороны изначально настроены на поиск компромисса, они его находят. Да, так было на протяжении всего этого полугода, но... Екатерине Юрьевне ведь хотелось чего-то большего! Большей от своей подчинённой задушевности, открытости. А вот с этим-то как не заладилось с самого начала, так продолжалось и поныне.

Эта девушка таила в себе какую-то загадку. Пока Екатериной Юрьевной ни капельки не разгаданную. Ещё и ещё раз припоминалось небабовское: «Она не та, за кого себя выдаёт».

Насколько скептически Екатерина Юрьевна тогда восприняла эту заявку, настолько убеждённой в её справедливости стала сейчас. Непонятным оставалось для неё только одно: «Если “не та”, то кто?» И – то ли элементарное любопытство Екатерину Юрьевну к тому подталкивало, то ли что-то другое, отнюдь не элементарное, – но ей хотелось добиться какого-то сближения с этим человеком. Хотя первый неудачный опыт, когда она пристала к девушке с подвеской, её напугал настолько, что теперь ей приходилось обдумывать каждый свой шаг, чуть ли не каждое слово. Будь кто-то сейчас другой на месте Екатерины Юрьевны, давно выгнал бы эту «задаваку» за дверь. Но Екатерина Юрьевна как будто была уже на крючке и оттого терпела. Утешала себя: «Придёт и моё время». Хотя что значит «моё время»? Она и сама этого не знала. Пока же: «Мам, а мы с Геей хотим на озеро прогуляться! Можно?» – «Ради бога. Но тогда и я с вами».

Это в разгар лета на берегу озера, особенно в выходные, то и дело, бывало, набредаешь на загорающих – так было, во всяком случае, в Катюшином детстве. Сейчас же – куда ни бросишь взгляд – ни души. Ни следочка на снежной целине, даже собачьего. Одно сплошное белое полотно. Береговая линия сливается с гладью озера. Противоположный берег виден, но в дымке, и туда вообще смотреть небезопасно, если только сильно прищурившись: прямое попадание солнечного луча. «Хочешь, покажу тебе, – обратилась Настя к Гее, – где я как-то в детстве с вышки ныряла?» – «Вам не холодно?» – заботливая Екатерина Юрьевна. «Мне нет», – Настя. «Мне тоже», – охотно подтвердила Гей. У неё здоровый румянец на лице. Довольный блеск в глазах. «Хорошо, что я и её вытащила на природу. Одичавшая, вымуштрованная её почти старорежимной закваски бабушкой. Потихонечку цивилизуется. Станет обычной. Карманной. Как все».

Они пошли вдоль берега. Ориентиром им служила выступающая на территорию озера, сейчас, должно быть, засыпанная снегом, обледеневшая пристань; к ней в летнее время причаливают лодки редких, ещё сохранившихся местных рыбаков; сейчас эти лодки или лежат на берегу перевёрнутым днищем вверх, или их держат в облепивших берег крохотных сарайчиках. Девушки припустили быстрым шагом, почти наперегонки друг с другом, а Екатерина Юрьевна намеренно поотстала. С этим озером, правда не укрытым, как сейчас, плотной коркой льда, а таким, как оно выглядит в летнее время, у Екатерины Юрьевны связано одно жутковатое воспоминание, переживаемое ею до сих пор. Да, одно из тех редких «деревенских» переживаний, которые можно отнести к категории ложки дёгтя в бочке мёда.

В то лето Катя (ей было тринадцать) испытывала очередную безответную влюблённость. Она «сохла» по одному мальчику с соседней дачи. Он же «сох» по Катиной сверстнице, гостившей в это время у Поваровых, – куклоподобной, голубоглазой, с румяными щёчками и льняными кудряшками. Словом, ничего из ряда вон: налицо заурядный, хотя ещё и осложнённый, обострённый фактором подростковой, треугольник. Как-то они всей компанией переправились на лодке на другой берег, и Кате взбрело в голову продемонстрировать, какая она классная пловчиха. Она действительно тогда хорошо плавала. Похвасталась, что запросто переплывёт всё озеро; её поймали на слове: «Ну переплыви». Она не доплыла до берега метров пятьдесят, когда силы полностью оставили её и она пошла ко дну. Катя на всю жизнь запомнила эти страшные мгновенья, как она, уже не оказывая никакого сопротивления, чётко осознавая, что это конец, уже мысленно прощаясь со всем и со всеми, погружалась всё ниже и ниже. Однако держала при этом глаза открытыми. И что же она при этом увидела? Каких-то копошащихся, кажется, на самом дне чудовищ. Но не безучастных к тонущей. Они тоже видели её и даже как будто звали. Но не звуком, не голосом, а тем, что протягивали к ней свои безобразные щупальца, клешни. В тот раз её спасло только то, что рядом рыбачил кто-то из местных. Уже много лет прошло, но эта картинка: когда она медленно погружается всё ниже и ниже навстречу зовущим её к себе придонным чудищам, – является к ней во сне до сих пор. Пробуждаясь, чувствует, как сильно бьётся её зажатое тисками ужаса сердце.

Но это случилось с Катей давно, сейчас же... Да, Настя и Гея рванули вперёд, Екатерина Юрьевна неспешно идёт за ними почти «след в след»: сапожки впереди идущих оставляют свежие узорные выемки в неглубоком снегу (здесь, на относительно открытом пространстве, постоянно пошаливает ветер, он-то и не позволяет снегу скопиться, зато в воздухе почти никогда не оседающая мелкая снежная пыль). Екатерина Юрьевна идёт, почти не глядя по сторонам. Её мозг сейчас на автопилоте: отделившись от Екатерины Юрьевны, гуляет сам по себе. От промелькнувшего жутковатого воспоминания, как она едва не стала утопленницей, до, следуя странной логике, той безобразной сцены, когда она, потеряв голову, дико закричала на мужа... Да, ещё де-юре мужа. До фактического развода сколько-то воды утечёт...

«Мама! Мама! Скорее! Подойди к нам! Здесь что-то ужасное!..» Екатерина Юрьевна, мгновенно забыв о Брумеле, бросила взгляд на то, что творится впереди... Обе её девушки... нет, с ними как будто всё в порядке. В паре метров от кабинки для переодевания. Переодеваются, естественно, только в разгар лета, а сейчас... Ну, может, если кто-то из случайно прогуливающих справит нужду. Разбросанные по снегу головешки от старого кострища. Дочь подзывает, отчаянно машет матери руками. Гея в стороне, спиной и к Насте, и к кабинке, с прижатыми к лицу руками. «Посмотри... Это кошмар какой-то!» – Настя, когда Екатерина Юрьевна подошла совсем близко. Кошмаром оказалось несколько тушек обезображенных, ошкуренных, разного размера и, видимо, масти собак, сваленных друг на дружку внутри кабинки. Кто-то, видимо, вначале совершил эту скотскую казнь, а потом, поленившись спрятать следы преступления, ограничился тем, что дотащил останки этих несчастных животных до пустынного в это время года пляжа.

Вспомнился недавний разговор с её прислугой Аннушкой (обычные городские сплетни, как правило, доходили до Екатерины Юрьевны через неё) о том, что в городе стали пропадать особенно привлекательные своим мехом собаки, а на городском базаре всё доступнее становились шапки и рукавицы с подкладкой из собачьего меха. Дешёвые и поэтому пользующиеся спросом. Получается, её родное Привольное приютило у себя этих подонков.

«Обязательно скажу об этом Николаю! Пусть он науськает милицию. Чтобы им неповадно было». «Ну и что же мы теперь будем делать?» – ныла Настя. – Их же нельзя тут так оставлять!» – «Не волнуйся, не оставим», – вслух пообещала Екатерина Юрьевна, а про себя подумала: «Сейчас распоряджусь, чтобы вывезли и где-то похоронили». Переговариваясь с дочерью, она не забывает при этом о Гее: та по-прежнему как будто немного на отшибе, с повёрнутой к ним напряжённо выпрямившейся спиной, руки уже не на лице, а на груди. «Переживает, – подумала Екатерина Юрьевна. – Однако иначе, чем моя. У моей всё наружу, у этой всё внутри. Интроверт и экстраверт – наглядная иллюстрация». «Вы идите», – Екатерина Юрьевна дочери. «А ты?» – «Я побуду здесь. Придёте – разыщите дядю Прохора, пусть они с Андреем придут сюда. Решим на месте, как быть с этим дальше». «Дядя Прохор» – это начальник охраны, Андрей – водитель.

На то, чтобы решить судьбу собачьих тушек, ушло около получаса. Уже начало смеркаться, когда Екатерина Юрьевна вернулась в дом. «Мам! – Екатерина Юрьевна едва успела подняться на крылечко, когда ей навстречу выбежала возбуждённая Настя. – Гея просит, чтобы ей помогли как-то добраться до церкви!» «Опять двадцать пять!» – про себя возмутилась Екатерина Юрьевна, вслух же произнесла: «Какая здесь “церковь”?» – «Бабуся ей наговорила, что тут где-то... недалеко». – «Где она сейчас?» – «Гея? Спряталась. В Монплезире. Я её в дом тащу. А она ни за что».

Был у отца Екатерины Юрьевны длившийся несколько лет период, когда он увлёкся посадками, привёз на грузовой машине с какой-то растениеводческой базы дюжину молодых разносортных яблонек-саженцев, засадил ими территорию позади дома и дал ей пышное название «Монплезир», по аналогии с тем, как поступил когда-то ещё Пётр Великий, когда обжил свой новый дворец в Петергофе. Яблоньки удачно прижились, в должное время плодоно-

сят. Яблоки отдаются на прокорм местным прожорливым свиньям. Сейчас же это только голые растопыренные ветви.

Екатерина Юрьевна обнаружила девушку сиротливо присевшей на краю обледеневшей скамьи, у её ног стайка возбуждённых воробьёв, а чуть в отдалении парочка нахохлившихся, пытливо наблюдающих за всем происходящим ворон. «Ну вот, – в голове у Екатерины Юрьевны, – момент самый подходящий. Чтобы расставить точки над *i*». «Я только что услышала от Насти...» – начала она, ещё только собираясь сесть на ту же скамью и пока обметая место варёжкой. «Да! Я хочу, – Екатерина Юрьевна ещё не закончила своё предложение, а девушка уже догадалась, о чём пойдёт речь. – Если можно». – «Едва ли». – «Почему?» – «Церковь, куда ты собралась, открыта для посещения только по большим церковным праздникам». Екатерина Юрьевна ни капельки не солгала: небольшую церковку в соседнем, в пяти километрах от Привольное, селе Никольском обслуживали, можно сказать, вахтовым методом, без постоянно находящегося при ней священника. «Но если тебе так уж сильно захотелось... – едва не произнесла “приспичило”, вовремя исправилась, – подожди, пока освободится наш водитель. Я попросила его достойно захоронить несчастных собак. Он проедет с тобой до города. Если это действительно настолько тебе необходимо...» Девушка ничего на это не ответила, задумалась.

Холодно. И снизу – хотя на Екатерине Юрьевне тёплая шубка, но наледь на скамье, пожалуй, будет посильнее меха, и сбоку задувает ветер. Оттого и сидят сейчас прижимаясь друг к другу плечами: инстинктивное желание не то поделиться, не то позаимствовать чужое тепло. «В общем-то, я тебя могу понять... Зрелище, действительно, далеко не из приятных. Я сама, когда всё это увидела, с трудом удержалась от слёз». Это неправда, на самом деле этого не было. То есть неприятное ощущение – да, было, но слёз, которые бы надо было удерживать, – нет, не было. «И всё-таки... видишь ли...» Мысленно: «Или сейчас, или никогда!» «Мне бы хотелось наконец поделиться с тобой...» И дальше, очень осторожно, отбирая почти каждое слово, придерживаясь одной и той же убаюкивающе-успокаивающей интонации: «Поделиться... скажем, кое-какими соображениями. Ты очень неглупый человек, и я могу быть с тобой совершенно откровенной... Приглашая тебя к себе, я, собственно говоря, руководствовалась только первыми, поверхностными впечатлениями. Что-то вроде покупки кота в мешке... Я, конечно, ни в коем случае не хочу тебя этим сравнением обидеть... Но вот... наблюдая за тобой всё то время, пока ты с нами, я уже составила более полное представление. В целом, позитивное, но есть, как говорится, и отдельные недостатки».

Да, Екатерина Юрьевна по-прежнему очень осторожна, дипломатична. Она уже давно поняла, что с этой недотрогой только так и надо, иначе опять наткнёшься на какое-нибудь растопыренное «Я этого не хочу». И такого рода осторожность, кажется, приносит свои первые ощутимые плоды: строптивница внимательно слушает. Это уже много и даёт Екатерине Юрьевне основание ровно в том же ключе продолжить: «Мне всё же кажется, ты не совсем отдаёшь себе отчёт, в каком мире мы живём...» – «Это не так. Я отдаю», – вот только когда возникло первое возражение. Екатерина Юрьевна тут же сделала поправку: «Очень хорошо, если ты УЖЕ всё знаешь и понимаешь. Тем легче мне будет донести до тебя... Итак, в этом мире надо как-то, что ли... устраиваться». – «Что значит “устраиваться”?» – «Подстраиваться. Подлаживаться. Приспосабливаться... А если ты этого отчего-то не хочешь... или не умеешь... жизнь в конце концов может превратиться для тебя в одно сплошное испытание. Может, даже мученье. Не думаю, что тебе это понравится... Тем более что природа наградила тебя такими великолепными данными. Не ради же того, чтобы ты прятала всё это. Этим надо как-то, что ли, пользоваться...»

Помалкивает девушка. Поглядывает на самого отчаянного из воробьёв: он уже едва ли не на колени ей запорхнул. А по лицу ни за что не догадаешься, что у неё сейчас в голове. «Послушай, мне меньше всего хочется читать тебе какие-то лекции, но... я вообще давно... с

самого первого дня, как ты появилась у нас, очень хотела с тобой поговорить, что называется, по душам. И если ты не возражаешь...» Екатерина Юрьевна немножко подождала – девушка не возразила, а это значит, добро на продолжение получено. «Не секрет, что ты сразу вызвала во мне большую симпатию. Этим объясняется, отчего я решилась пригласить тебя в свой дом. Я, как ты видишь, доверяю тебе свою дочь. Настя также очень привязалась к тебе. Такое с ней случается крайне редко. Казалось бы, всё хорошо, но... меня не оставляет ощущение, что ты...» Екатерина Юрьевна сейчас ступает на самый хрупкий лёд. Осознавая это, старается идти дальше с предельной осторожностью. «Словом, не могу отделаться от ощущения, что ты воспринимаешь меня... как какое-то, что ли, даже зло. Да, я понимаю... Я немножко знаю твою биографию... то потрясение, которое тебе ещё совсем ребёнком пришлось испытать, это не могло как-то не сказаться...»

Непроизвольная гримаса боли на лице девушки, и Екатерина Юрьевна мгновенно решает: «Стоп! Горячо! Больше об ЭТОМ ни слова». Но чтобы предыдущая фраза всё-таки нашла достойное окончание (иначе зачем вообще её надо было начинать?): «Но поверь мне, я не от них, я не с ними, они такие же мне враги, как и тебе. Мы на одной стороне. Я с тобой». А теперь, когда девушка в очередной раз не возразила, Екатерина Юрьевна решается на самое главное. Может, именно на то самое, ради чего она вообще затевала это ой до чего ж непросто дающееся ей «выяснение отношений». «Тебе, наверное, сейчас покажется это совершенно невероятным, и всё-таки я признаюсь тебе... Мне кажется, мы с тобой даже чем-то очень похожи. Мне думается, мы могли бы стать с тобою как-то, что ли... ближе... Даже друзьями. С определённой, разумеется, поправкой на возраст... Но дружба бывает разной... Вообще, мне кажется, я могла бы по жизни быть очень полезной тебе. Потому что я намного опытнее тебя и могла бы в любую минуту дать хороший совет. Оказать какую-то помощь. Мне кажется, тебе очень не хватает именно такого рода взрослой поддержки. Но и я... не скрою, я иногда чувствую себя очень одинокой. И будь мы как-то ближе... нам было бы проще».

Екатерина Юрьевна вначале и не заметила – движение инстинктивное, бессознательное – как положила руку на дальнее от неё плечо девушки. «Дальнее» оттого, что они сейчас продолжают сидеть, касаясь друг друга плечами. А уже заметив, осознав, решила: «Пусть так и будет». Одновременно почувствовала, как забилося её сердце. Так оно билось только в её ещё совсем незрелые годы, когда неумело обнимали первые ухажёры, такие же неопытные и робкие, какой была тогда и она. «Так что? – попытавшись заглянуть в глаза девушки. – Что ты на это скажешь?»

Ох! Подслушал бы её кто-нибудь сейчас. Не поверил бы собственным ушам. Это до какого же состояния Екатерине Юрьевне надо было дойти или до чего она себя довела или её довели, чтобы, видите ли, какую-то там дружбу едва ли не как милостыню выпрашивать?! И у кого?.. У собственной гувернантки! Словом, она унижается, вымаливает и что же в конце концов слышит в ответ?

«Спасибо, но... простите, мы очень разные. Мы не можем стать ближе. Это невозможно». Какое-то даже сочувствие к бедной Екатерине Юрьевне в этом слышится, хотя ощущается и другое: «Сочувствовать-то сочувствую, я вам благодарна за это роскошное, щедрое предложение, но...» «Почему?..» Да, всего-то. Видимо, совсем уж растерялась Екатерина Юрьевна, поэтому и получилось у неё так по-детски неуклюже: «Почему?..» Девушка же – или не услышала это вопрошание, или решила, что не стоит отвечать, – решительно встаёт, а потерявшая таким образом опору рука Екатерины Юрьевны вяло соскальзывает по спинке скамьи. Чутко среагировавшая на всё это воробыная стая тут же мгновенно разлетается. И только обе вороны ещё не теряют присутствия духа, не меняют своей дислокации.

Только сейчас Екатерина Юрьевна позволила себе не на шутку разозлиться. «Ну и... чёрт с тобой!..» Нет, слава богу, не сказала, только подумала, а вслух: «Ты, кажется, ничего из того, что я тут тебе... так и не поняла. Жаль, но это уже, скорее, твои проблемы. Я же хотела тебе

только помочь. Но если ты и дальше в том же духе собираешься, не лучше бы тебе сразу... допустим, пойти в монастырь?.. Скажи мне. Я тебя по знакомству устрою!» Словом, совсем уж неотмщённой строптивницу не оставила, хоть как-то постаралась сохранить лицо, но, надо отдать ей должное, нашла в себе и силы, и решимость тут же поправиться: «Извини. Не хотела тебя обидеть, так получилось. Но если тебе по-прежнему так необходимо побывать в церкви... особенно, как я понимаю, после разговора со мной...» – «Нет, спасибо. Я передумала. Я и так справлюсь... И пожалуйста... если сможете... не сердитесь на меня».

Повернувшись к Екатерине Юрьевне спиной и быстрым шагом направилась вон из Монплезира в сторону маячащего неподалёку дома, а обе вороны мгновенно дружно взлетели и, как почётный эскорт, симметрично помахая крыльями, устремились вслед за ней.

3

Раздосадованная, смущённая, разозлённая, проклиная себя за то, что вообще затеяла этот сиюминутно спровоцированный общей обстановкой и тем, что ему только что предшествовало, «базар», Екатерина Юрьевна прошла к себе. Небольшая, почти как все на этой даче, угловая комнатка, в которой она обычно селилась, когда бывала здесь, соседствующая со столовой, с одной стороны, и намного большей по габаритам комнатой матери, с другой. Да, омерзительное ощущение... Как будто ей в лицо прилюдно плюнули. Или (ещё более унижительная аналогия): она вдруг собралась спеть, скажем, серенаду под окнами небезразличного ей человека, а её сверху облили безжалостно помоями. «Что, в самом деле, со мной происходит?! Что заставило меня напрашиваться в какие-то, смешно подумать, подружки к этой, прямо скажем, ещё почти сопливой, годящейся мне в дочери девчонке?! Со мной даже в детстве такого, чтобы я выпрашивала чего-то у кого-то, ни разу не происходило! Хотя ощущения тоски, скуки и одиночества всегда было хоть отбавляй. Но я же терпела! Я была гордая! А что сейчас... со мной?..»

От этих мыслей, переживаний, мысленных проклятий Екатерину Юрьевну спасло только появление брата. Он, как и подобает губернатору, приехал в Привольное целым кортежем, а иначе теперь он не мог. Впереди кортежа гаишная «Волга» с сигналом и мигалками. На подъезде к даче их встречала сбежавшаяся толпа из местных. Их, правда, в Привольном в зимнее время раз-два и обчёлся, но вот эти-то «раз-два и обчёлся», за минусом, разумеется, детей дошкольного возраста, по-видимому, все на встречу со своим губернатором и слетелись. Как мухи на мёд. Кто-то им об этом заранее... Мать, конечно же. Своим подружкам. А те уже разнесли эту благую весть по всему посёлку. Первыми, едва машины притормозили, выскочили из вездехода охранники, стали стеной между губернатором и толпой. Окна комнатки Екатерины Юрьевны выходят на проезжую часть, заборчик невысокий, дом на солидном фундаменте – словом, наблюдательный пункт у неё неплохой. «Сейчас наверняка будет небольшое шоу».

Уже не первый раз Екатерина Юрьевна бывала свидетелем общения брата с «простыми избирателями». Всякий раз искренне восхищалась тем, как он умеет обуздывать, усмирять, пресекать любого типа недовольство, претензии и даже посягательства вроде «Мы тебя избирали, мы тебя и...» Николай Юрьевич великолепно владел искусством вразумлять вроде как не подлежащее вразумлению, внушать этим людям кажущееся невнушаемым. Екатерина Юрьевна как-то спросила, каким образом это у него получается, и услышала в ответ: «Элементарно, Ватсон. Я свожу всё сложное к простому. Людям это импонирует: не надо заморачиваться. Вот и весь секрет Полишинеля». Видимо, тот же трюк сработал и сейчас. Изначально кипящий негодованием столпившийся у машины электорат через какое-то время разразился аплодисментами. Далее уже привычно подсутилась охрана: организовала проход, которым и воспользовался Николай Юрьевич, чтобы благополучно выбраться из окружения и проникнуть на территорию поваровской дачи. Далее та же охрана захлопнула ворота. Довольная и,

видимо, получившая очередную порцию не поддающихся исполнению обещаний толпа стала расходиться по своим жилищам. Концерт был окончен.

В свите брата Екатерина Юрьевна замечает господина с невольно вызывающим недоверие именем-отчеством Бенедикт Бенедиктович и совсем уж пугающей фамилией Вельзевулский. Он представляет интересы какой-то организации, замыслившей взять в субаренду Таневу дачу. Всего лишь пару дней назад они втроем, Екатерина Юрьевна, Николай Юрьевич и этот господин, совершили совместную поездку к сдаваемому объекту. Осмотрелись. Потенциальный субарендатор остался очень доволен. Вернувшись в город, посидели в ресторане. Кажется, всё обсудили, пришли к общему, всех устраивающему решению. Зачем ему ещё появляться здесь, тащиться в такую даль? Чтобы поприсутствовать на их, Поваровых, чисто семейном мероприятии? Вроде во всех отношениях благополучный, формально не вызывающий никаких подозрений, рассуждающий очень трезво, здраво, этот человек всё же чем-то по меньшей мере настораживает, а по большей – отпугивает Екатерину Юрьевну. Может, какой-то своей неопределённостью. Это как если бы Екатерина Юрьевна где-то прогуливалась и наткнулась на валяющийся на дороге безо всякого присмотра пакет. Что в нём? Пачка денег или куча дерьма? Поневоле задумаешься, стоит ли его брать в руки, разворачивать. Примерно та же ситуация и с этим господином: лучше не брать и не разворачивать.

Екатерина Юрьевна по-прежнему не спешит встречать гостей, чего-то как будто ждёт. Может, специального приглашения. Дождалась, что первым к ней заглянул Николай Юрьевич. «Ну и? – входя. – Нездоровится, что ли?» Екатерина же Юрьевна, пропустив мимо ушей тему нездоровья: «Ты зачем этого... с собой?» – «Как подушку безопасности. Как гарантия, что с матушкой при чужом друг другу лишнего не наговорим. С неё станет. Кроме того, у него к тебе какой-то малюсенький специальный разговорчик». «Упаси бог! – в голове Екатерины Юрьевны мгновенная отражательная реакция. – Этого скользкого типа мне ещё не хватало», а вслух: «Я не буду». – «Сделай милость...» – «Да пошёл он. Мы с ним вроде бы уже всё перемололи». – «Значит, не всё. Удели, удели, сестрёнка. С тебя не убудет, а человеку приятно». Брат иногда – даже с ней в разговорах – бывает требовательным. Сейчас именно такой случай. «Пока вы тут, мы с Марусей столом займёмся. Я бутылочку мальвазии специально для тебя привёз. Из первопрестольной. Перемолвитесь, потом мне всё по секрету расскажешь».

Брат ушёл, а через несколько минут в комнату Екатерины Юрьевны прошёл «скользкий тип». Как всегда очень элегантный, отлично сидящие на нём джинсы, джемпер. Приятно улыбается. «Знаю, знаю, Екатерина Юрьевна! Николай Юрьевич меня предупредил, что вы не горите желанием, но я постараюсь не отнять у вас много времени. Сюда можно?» Уселся было в кресло-качалку и тут же: «Ой!» – сделал вид, что испугался, когда кресло вместе с ним подалось назад. Предпочёл пересестись из ненадёжного приспособления на устойчивый стул. Екатерина Юрьевна ждёт, что будет дальше. Пока из неё ни слова. «В общем-то, прелюбезнейшая Екатерина Юрьевна, меня побудило встретиться с вами тет-а-тет единственное желание. Единственное, но крайне весомое. Предвижу, оно прозвучит для вас большим сюрпризом. А может, и нет. Может, вы уже и сами догадываетесь, хотя пока не решаетесь в этом себе признаться». – «О чём вы?» – «О том, что вам, Екатерина свет Юрьевна, при всём том, что вы уже далеко, простите, не девочка, выпала участь крайне серьёзно... ещё раз прошу меня извинить... влюбиться».

Екатерину Юрьевну как будто током ударило. Несколько мгновений приходила в себя. Наконец: «Вы с ума сошли?!» – «Я – нет. Потому что я живу только...» – Он потыкал указательным пальцем себе в лоб. – «Вы же ещё наделены и чувством. Оно диктует вам». Теперь Екатерине Юрьевне стало даже немного смешно. «Может, ещё скажете в кого?» – «Обязательно скажу. Мне это не составит никакого труда. В весьма молодую, но с довольно своеобразным характером особу, с которой вы буквально четверть часа тому назад попытались объясниться. Без особого на то успеха, однако».

Теперь Екатерине Юрьевне стало уже не до смеха. Её взяла оторопь. «Вы, собственно говоря... кто?» – «Ваш, осмелюсь в этом признаться, единомышленник». Екатерина Юрьевна обдумывает: «А не послать ли мне прямо сейчас этого “единомышленника” куда подальше? И больше с ним ни во что не ввязываться. Расстроится сделка по аренде дачи? Да чёрт с ней. Не велика беда. Останется недовольным Николай? Да и пусть. В конце концов, я давным-давно не ребёнок. Вольна поступать как сама считаю нужным. А этот господин пускай идёт своей дорогой».

В это же время тот, кого она намеревалась куда-то послать, заметил ей снисходительно, как взрослый ребёнку: «Разумеется, Екатерина Юрьевна, вы вольны поступать, как вам самой представляется наиболее целесообразным. Можете выставить меня за дверь. И я уйду. Однако предупреждаю вас, вы попали в очень серьёзный переплёт. Любая влюблённость, вы это знаете на собственном опыте, орудие истощения вашего иммунитета. Вы становитесь беззащитнее, беспомощнее. Но влюблённость уже в таком возрасте, как у вас... Вы, даже не замечая сейчас этого, ходите по краю бездны. Хотя мы готовы вам помочь».

«Послушайте! – тут уж не выдержала Екатерина Юрьевна. – Мы с вами всего-то... буквально несколько минут, как вошли... но вы уже наговорили столько всего!» – «Я чуточку приоткрою. Можно?» – «Что?» – не поняла Екатерина Юрьевна. «Окно, окно! Всего лишь». Прошёл к окну, потянул за шнурок, опустил фрамугу. В комнату потянуло прохладой, а в дверь постучали, потом голосом Николая: «Эй! Как там у вас? У нас уже всё готово!» На что «скользкий господин», пока Екатерина Юрьевна ещё только соображала, что ответить: «Мы тоже готовы! Почти. Ещё минуток пять – десять, если вы позволите. – И выждав, когда Николай отойдёт от двери: – Эта молодая особа... которую вы взяли к себе...» Тут Екатерина Юрьевна почувствовала, что её начинает бить мелкой дрожью – и в панике: «Послушайте! Ну что вы такое, в самом деле, говорите? Это бред! Я в неё не влюблена! С чего вы это взяли? Я, если вы этого ещё не знаете... я нормальная». – «Эта же молодая особа... – продолжал господин, как будто не слыша её, – несмотря на все ваши потуги – и явные и скрытые – пока не отвечает вам взаимностью...» – «Повторяю...» – «Но мы, со своей стороны, готовы вам помочь».

Господин вернулся к стулу и уселся на нём с максимальной для этой ситуации комфортностью. «А теперь, после того как я поставил вам диагноз, поговорим о лекарстве... Да, о лекарстве, потому что ведь вы хотите вылечиться, не так ли?... Так вот. У вас есть дом... имею в виду то, что вы называете дачей. Который, согласно принятому нами накануне решению, переходит к нам в долгосрочную аренду. Мы намерены организовать там мероприятие, посвящённое тому, кого мы считаем духовным покровителем нашей организации. Чуточку отвлекусь, чтобы вы получили хотя бы приблизительное представление. Мы присвоили этому покровителю – весьма, разумеется, условно – имя довольно известного – в узких, разумеется, кругах – языческого бога Вали... Повторяю, всё это очень-очень условно, потому что кому сейчас из разумных людей дело до какого-то обросшего мхом, почти начисто забытого мелкотравчатого божка? Тем более что их там, в этом их божественном сонме, что собак нерезанных...» – «Зачем мне это? Какое мне вообще дело до ваших собак?...» Екатерина Юрьевна ещё как-то пытается отбиться, но её собеседник совершенно невозмутим. «Пусть ваша девушка также удостоит своим посещением это мероприятие. В качестве... ну хотя бы нашего дорогого и почётного гостя». – «Зачем?» – «Это поможет нам добиться нашей общей цели». «Кошмар какой-то! Зачем я вообще слушаю его?... – проносится в голове Екатерины Юрьевны. – Вместо того чтобы... взять и дать пинка под зад. Ну... если и не буквально пинка, так что-то вроде этого. Какая сила удерживает меня? А ведь меня действительно что-то держит...» А господин между тем, оставаясь очень спокойным, уверенным в себе, продолжает: «А теперь пару слов о цели. Видите ли, уважаемая Екатерина Юрьевна, нам одинаково важно приблизить к себе этого человека. Сближение – вот оно, это ключевое в данном случае слово! Ведь вы же не будете отрицать – вы именно этого как раз и добиваетесь. Достигается же оно только двумя путями.

Один: это возвыситься к нему. Только представьте себе: воз-вы-ситься-ся! Колоссальная задача, решение которой, согласитесь, для рядового, не наделённого каким-то особым даром человека едва ли доступно. Другой: опустить возжеленный нами объект до нас. Да, тоже отнюдь не так-то просто. С кондачка едва ли получится. Придётся определённо потрудиться, и всё равно это куда как проще...» – «Я то и дело слышу от вас “мы”, “нам”. Я хочу узнать, кто вы такие?» – «Хороший вопрос. Я мог бы ответить вам чисто формально, не погрешив при этом против истины: мы это некоммерческая, то есть не преследующая никаких материальных дивидендов, транснациональная корпорация “Conversion”, чьи подробные реквизиты вы найдёте на официальном бланке, когда настанет момент формального подписания заключаемого между нами договора на арендуемое нами имущество. Да, я мог бы так ответить, и я был бы честен перед вами. Но вам, как человеку уже почти посвящённому... знающему уже так много... следовательно, уже доказавшему свою готовность... свою потенциальную причастность... Приоткрою вам одну из потайных дверей в наше святая святых. Мы те, кто... фигурально, разумеется, выражаясь... арендует этот мир. Подобно тому, как я арендую у вас вашу дачу... Я согласен, сейчас вам это сложно понять, почти невозможно, но это факт. Очевиднее я вам объяснить пока не могу». – «А она?» – «Вы имеете в виду вашу девушку? О! На неё возложена очень сложная, многозначная функция. Хотя, скорее всего, она и сама этого ещё не знает. Всего лишь смутно догадывается. Она связная. Между тем, что “над”, и тем, что “под”».

«С ума сойти! Кого я слушаю?.. Этот человек... или чрезвычайно крупный аферист, или очень умный сумасшедший...» Екатерина Юрьевна ещё только об этом подумала, а то ли аферист, то ли сумасшедший сразу же возразил ей: «Уверяю вас, любезнейшая Екатерина Юрьевна, я ни то и ни другое, а у вас есть полный резон откликнуться на моё ничем не грозящее вам предложение. В чём резон? Извольте – объясню. Причём постараюсь быть очень пунктуальным. Вы не удовлетворены собой, у вас масса претензий к тому, как вы живёте, вас предательски покидает облагодетельствованный когда-то вами и до потери сознания некогда обожаемый супруг. Вы только кажетесь сильной и благополучной, той самой Екатериной Великой, которой вы хотели когда-то казаться. По сути – вы нищи, вы голы, вас раздели до нитки. И вот вы на холодном ветру. Вы дрожите, и вы в смятении. Вы в разладе и с миром, и с самой собой. Вы жаждете какой-то замены, компенсации, чего-то другого. Вы страстно хотите, чтобы кто-то вас одел! Вот отчего вас так мощно потянуло к этой девушке. Потому что это ваша единственная надежда. При этом не переживайте, не волнуйтесь. Вы действительно нормальная. Вас привлекает в ней не... ну, вы понимаете, что я имею в виду. Вас манит не это грубое, примитивное, вульгарное. Просто это ваша единственная альтернатива. Без которой вы окончательно окаменеете. Вам кружит голову возможность преобразования. И вы всё это обретёте. При одном, правда, условии. Если благосклонно отнесётесь к нашему скромному, не сопряжённому лично для вас ни с какими осложнениями предложению».

4

Давно уже Пётр Алексеевич не попадал в такой цейтнот. Даже пожалел, что у него нет двойника, которому бы он смог перепоручить часть своих забот. Его записная книжка была испещрена: «Встретиться с таким-то. Важно!», «Побывать там-то. Крайне важно!!», «Договориться о том-то и том-то. Архиважно!!!» Дел невпроворот, спать приходилось не более шести часов в сутки. Но это не стало для него сюрпризом. Он ехал в Краснохолмск не ради того, чтобы поволыниться. Порезвиться. Или предаться воспоминаниям: «Как хороши, как свежи были розы...» Тем более что и не было в его оставленном в Краснохолмске прошлом никаких таких «роз». Терний – да. Сколько угодно. Его базовой целью было воспользоваться любезно предоставленным ему то ли госпожой Удачей, то ли Его Величеством Случаем шансом найти наконец достойное его богоданным талантам земное применение.

Да. Его экстравагантная, сумасбродная тётушка имела основания пожалеть «родного человечка». Как и что её на это сподобило – одному богу известно. Если в покинутой им стране СССР его как упрямого, несговорчивого творца, художника методично преследовали... во всяком случае, ему так казалось... не позволяли показать себя во всей красе, то в другой стране, что было ему ещё неприятнее, его просто не замечали. В упор. Исходящее от какой-то загадочной корпорации «Conversion» предложение организовать в окрестностях его когда-то родного города сценическое оформление какого-то не менее загадочного мероприятия во славу совсем уж из ряда вон выходящего, на грани сумасшествия, «языческого божества Вали» ни капельки не вдохновляло его. Но за этим странным предложением брезжило нечто куда более заманчивое. То, во что он, человек осторожный и относительно суеверный, пока не только не верил, а даже воздерживался обсуждать с самим собой.

Не выходила из головы Петра Алексеевича и рекомендация главного, судя по всему, заводилы всего этого мероприятия, господина Вельзевулского: удивить Краснохолмск не ремейком когда-то его наиболее успешного краснохолмского спектакля «Аргонавты», а последней, бостонской постановкой чеховских «Трёх сестёр». Она, эта постановка, заслужила одобрение этого господина, как он сам лаконично выразился, благодаря своей «обнажённости» (Нет, он выразился иначе – «нагости».) Что же он имел в виду? Едва ли этот термин применялся им в буквальном смысле. Неком иносказательном – да. Скорее всего. Но не был буквалистом и Пётр Алексеевич, когда приступал к работе над знаменитой пьесой Чехова. Его несколько лет точило желание представить «Трёх сестёр» в непривычном ракурсе. Если «точило», да ещё и «несколько лет», значит, в нём самом, Петре Алексеевиче, что-то вызрело. И этого «вызревшего», заматеревшего джинна, рвавшегося всё требовательнее наружу, пока самого Петра Алексеевича изнутри не разорвало, надо было как-то выпускать. На волю. И он его выпустил. Вначале на пляж.

Представим себе. Разгар лета. Берег какого-то водоёма. Театральная труппа на каких-то гастролях. Выходной день, все на пляже. Наряд на всех соответственный. Прибегает какое-то театральное начальство и просит срочно, в силу каких-то обстоятельств, не покидая пляжа и оставаясь в том же наряде, то есть без грима, без костюмов, без бутафории, прогнать весь спектакль. Актёры, естественно, вначале ропщут, хотя в конце концов соглашаются. Будучи при этом во всём пляжном – в бикини, плавках – с этим «уродством» быстро осваиваются. А дальше... всё идёт как по маслу. Оказывается, то, что было напаяно на их тела, то, что пришло с постепенным переходом из состояния животного в человеческое, им как чисто актёрам, профессионалам своего дела мешало. Вдруг оказалось: с исчезновением внешних покровов открываются новые возможности, новое дыхание, и им самим становится необыкновенно проще, легче играть. Иначе говоря – «жить на сцене».

Но это не единственное, чего хотел добиться Пётр Алексеевич. Вместе с отринутыми панталонами, корсетами, турнюрами, салопами и прочее и прочее, что напяливает на себя человек, что навязано ему всеми идущими на смену друг другу цивилизациями, обнажается и внутренний нерв истинного, потаённого «я» любого из персонажей пьесы. Вот вам и подмеченная и получившая столь высокую оценку господина Вельзевулского «обнажённость». Надо отдать ему должное. Он сумел уловить самый главный лейтмотив, самое ценное зерно в этой постановке: натуральность. Не «так принято», а «так есть». Но как же сам Пётр Алексеевич объяснял всё эти премудрости своим ученикам? С какой же речью он к ним обратился? Приблизительно такой.

«Всё живое, что населяет этот мир, рождено для радости, и всё живое действительно радуется, и только человек глубоко несчастен. Это, увы, пожалуй, аксиома. Глубоко несчастен был когда-то и Чехов, как глубоко несчастны и все персонажи его пьес. Отчего это? Не только с Чеховым и его персонажами. Со многими. Не персонажами, а реальными людьми. По той одной причине, что этот несчастный является рабом условностей, бесконечных запретов.

Потому что он делает не то, о чём думает. Думает не о том, что чувствует. Чувствует не то, чего он по-настоящему хочет. “Передайте мне соус... пожалуйста”, – говорит девушка сидящему рядом с ней за столом молодому человеку, а на самом деле ей хочется сказать: “Я тебя хочу”. “Дорогая, смотри, у тебя на лбу прыщичек выскочил”, – произносит, готовясь ко сну, муж своей перерезанной жене, а в действительности из него рвётся: “Ты для меня уже давно противная жаба”. Да, это мир уже позапрошлого, девятнадцатого века. Мир потаённых мыслей, страстей. Перевертышей. Двусмысленностей. Недомолвок. Мы, люди, стоящие на пороге уже века двадцать первого, сбросили с себя все эти путы. Мы освободились! И телом и душой. Мы рождены не затем, чтобы постоянно, на каждом шагу, сдерживать и сдерживать себя, а в полной мере, ничем не ограничиваясь, срывать, и срывать, и срывать из-под наших ног пышно разросшиеся, пряно пахнущие, дурманящие нас запахом всех былых запретов на свете цветы подаренного нам самим фактом нашего рожденья удовольствия...» Ну и так далее. В таком приблизительно ключе.

Премьера «Спектакля-импровизации на тему “Трёх сестёр”» (примерно так значилось на афише) состоялась около года назад. Никаких лавров создателям и исполнителям она не принесла. Наверное, ничего в этом удивительного: Бостон – средоточие потомков самых упёртых пуритан. Не получил спектакль и какой-то серьёзной прессы. Единственным изданием, поместившим коротенький отзыв, оказалась «Amateur's art sheet», скромная, нерегулярно выходящая малым тиражом газетёнка. В этой гаденькой статейке от «Трёх сестёр», «творения из кожи вон лезущего (“leaning over backwards” – да, именно таким нелюбезным эпитетом наградили Долгорукова), чтобы обратить на себя внимание, господина, называющего себя режиссёром», камушка на камушке не осталось. Сочинителем этой гнусности был пользующийся кое-каким авторитетом у местных театралов пожилой безобразный карлик, к тому же ещё и «голубой». Лет десять назад, когда Долгоруков с великим трудом выхлопотал какое-то скудное финансирование и только-только приступил к сколачиванию своей «amateur's company», он какое-то время «окучивал» Долгорукова. Не добившись взаимности, теперь мстил как умел. Словом, «а ларчик просто открывался».

И вдруг... такое! «Первая десятка самых выдающихся театральных режиссёров современности». Ничего себе! Мама не горюй. Конечно, то был тоже своего рода перебор. Пётр Алексеевич в этой части ни капельки не обольщается. И всё равно ему – что уж скрывать? – услышать подобное о себе было не просто приятно: воодушевляло. Как знать? Может, не всё в его никудышно сложившейся карьере так уж безнадежно. Сейчас же перед ним – сугубо прагматическая задача. Он едет, чтобы взглянуть на то место, то сценическое пространство, в пределах которого ему предстоит работать. Его цель – Танеева дача. Также он собирается повидаться там с ещё одним его, Петра Алексеевича, творением – его сыном. За все те дни, что прошли с момента его приезда в Краснохолмск, ему не удавалось выкроить время для их новой встречи. То есть он чувствовал себя перед ним в долгу.

Где-то на полпути между городом и дачей раздались позывные селфона. Пётр Алексеевич как-то сразу догадался, что звонит его падчерица Марион. Так оно и оказалось на самом деле. Догадался же во многом из-за того, что падчерица звонила ему очень часто. Ни один день не обходился без того, чтобы у неё не возникало желания поделиться с отчимом какой-то проблемой. От крупной (очередная размолвка с её молодым человеком) до мелкой, бытовой. Вот и на этот раз пожаловалась, что во время проветривания в открытое окно вылетела их ручная ворона.

Марион идёт двадцать второй, она, как все нормальные девушки, мечтает о замужестве, о своей семье, но пока остаётся одна, потому что не может по-настоящему увлечься ни одним из молодых людей из её окружения. Разговор, как обычно, очень длинный, девочка ещё не научилась излагать свои мысли коротко. Ещё хорошо то, что, коль скоро звонки исходят от неё, оплачивать пользование телефонной связью придётся ей. Благо у неё есть собственный

банковский счёт, который аккуратно, своевременно и в полном объёме пополняется её родным ушедшим из семьи отцом. Об этом, то есть о банковском счёте, гласил один из многочисленных пунктов бракоразводного соглашения.

Родной же отец Марион – американец с баварскими корнями. Благочестивый, подчёркнуто богопослушный адепт пресвитерианской церкви. Процветающий адвокат. Хозяин одной из бесчисленных консалтинговых компаний в Бостоне. Собственное наблюдение Петра Алексеевича, может быть ошибочное: наиболее успешные бизнесы в США это а) зубо врачебная практика, б) сексологи и с) оказание консалтинговых услуг. Такое ощущение, что в Америке разучились самостоятельно мыслить и обращаются за советом по любому пустяку. Истинная, а не на словах, как когда-то в СССР, страна Советов. У Марион есть старший брат, старше её на четыре года, почти ровесник сыну Петра Алексеевича. Но, в отличие от пока ещё чего-то ищущего Аркадия, его пасынок уже в самостоятельном плавании. Очень перспективный молодой человек, технарь, сфера приложения его знаний и рук – ЭВМ. Живёт и здравствует в штате Калифорния, Silicon Valley, рассчитывает на то, что заработает свой первый миллион уже в ближайшую пару лет. Мальчик не бросает слов на ветер. Если так говорит, значит, тому есть какие-то основания. То есть вполне возможно миллионер из него и получится. Хотя и не через два года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.